

Стивен Хантер
Третья пуля
Серия «Боб Свэггер», книга 8

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6658099
Стивен Хантер. Третья пуля: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71049-2

Аннотация

Заслуженный отдых знаменитого в прошлом снайпера Боба Ли Свэггера прерван самым неожиданным образом: незнакомая женщина, отыскав его в местном баре, говорит, что ни за что не отстанет, пока тот не выслушает ее. Она рассказала Свэггеру о внезапной смерти ее мужа, известного журналиста, которого недавно сбила машина. Несчастный случай?.. Но вот обстоятельство: в последнее время он плотно занимался давним делом об убийстве Джона Кеннеди, заявляя, что ему удалось найти совершенно новые улики, меняющие картину происшедшего. Заинтересованный Свэггер обещает вдове разобраться в находке ее мужа. Расследование приводит его к загадке последней, третьей пули, выпущенной в тот осенний день в Далласе. Пуля поразила голову президента, но так и не была найдена. Великий стрелок не догадывается: до сих пор остались те, кто очень сильно не хочет, чтобы правда когда-либо открылась...

Содержание

ЧАСТЬ 1	4
Глава 01	4
Глава 02	8
Глава 03	18
Глава 04	30
Глава 05	41
Глава 06	49
Глава 07	54
ЧАСТЬ 2	58
Глава 08	58
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Стивен Хантер

Третья пуля

Посвящается друзьям второй половины жизни, так украсившим ее:

*Гэри Голдбергу
Джею Карру
Эду ДеКарло
Фрэнку Старру
Роджеру Трупу*

*Пора кончать с этим, ребята, что это за звук? Гляньте, что происходит вокруг.
«For What It's Worth»
Buffalo Springfield*

ЧАСТЬ 1

США

Здесь что-то происходит

Глава 01

Балтимор

Тротуар вздымался вверх и нырял вниз, продуваемый наискось ветром, воющим в ночи.

Стоп! Необходимо уточнение. Не было никакого вздымания и ныряния. То же самое относится к «продуваемому наискось» и «воющему в ночи».

Так только казалось Эптэпону, поскольку ветер, нарушавший стабильность тротуара, дул исключительно в его сознании. «Зефир», вызванный водкой, существенно удлинял дорогу от бара, из которого он только что вышел, до дома, где жил. Расположенного в нескольких сотнях метров.

Эптэптон – алкоголик, успешный писатель, меланхолик и любитель оружия – находился в состоянии, которое можно назвать опьянением средней степени. Его болтало на ветру, словно тростинку, и он был очень счастлив – ведь три порции водки с мартини могли полностью удовлетворить человека, обладающего весьма умеренными способностями к поглощению алкоголя, а лежавший впереди путь, хотя и сопряженный с некоторыми трудностями, не казался непреодолимым. В конце концов, ему нужно пройти еще несколько метров, перейти улицу и затем...

Лирическое отступление. Пауза для автобиографической интерлюдии. Под воздействием алкоголя это допустимо. Одно предполагает другое, и в данном случае предположение вполне уместно.

Улица называлась Лайт-стрит¹, и это предполагало весьма обнадеживающее завершение вечера. Свет сердца, свет души, свет в конце туннеля, свет как символ надежды и жизни. Но также «Свет» – знаменитая газета, редакция которой находилась примерно в километре

¹ Лайт (англ. light) – свет.

по той же самой Лайт-стрит. Она выходила ежедневно на протяжении ста восьмидесяти лет, или около того, из которых он проработал в ней двадцать шесть, а его жена работала там до сих пор.

Да, это тот самый Джеймс Эптэптон, журналист, знаменитость местного масштаба, который со временем занялся литературным трудом и начал писать книги в твердой обложке, посвященные перестрелкам и героям-стойкам. Ему минуло шестьдесят пять, он находился в зените довольно скромной славы и был, в общем, доволен собой. У него имелось все: красавица жена, пара миллионов, прекрасный дом в сказочном районе города, определенная репутация, достаточная для того, чтобы наслаждаться ею, щедрый контракт, чрезвычайно заманчивый проект на будущее и целый арсенал оружия.

Причиной поглощения трех порций водки с мартини было освобождение, а не празднование некоего события. Его жена отсутствовала – ха-ха-ха, – тем хуже для нее. Она была в гостях у своей сотрудницы, кажется, на вечеринке по случаю дня рождения – кстати, почему женщины так серьезно относятся к дням рождения? – и поэтому он в одиночестве отправился в близлежащее бистро, где съел бургер, выпил кружку «Будвайзера», затем бокал № 1, который существенно ослабил его решимость противостоять соблазну со стороны бокала № 2. Тот, в свою очередь, камня на камне не оставил от его решимости противостоять соблазну со стороны бокала № 3. К счастью, бокала № 4 не последовало, иначе он просто заснул бы в туалете.

Ну, ладно. Где я был до лирического отступления? Что это за место? Где я нахожусь?

Ха-ха-ха.

Ах, да. Его целью был дом. Он. Шел. Домой.

Улица отклонилась в сторону, потом завертелась. Она то выгибалась, то опадала – и тогда открывался вид на долину. Она раскачивалась. Вращалась. Тряслась. Грохотала. Извивалась. Пузырилась. Кипела. Волновалась.

Он рассмеялся.

– Ты находишь себя забавным? – всегда спрашивала жена, и он действительно считал, что это так.

Настроение улучшилось благодаря химическому воздействию продукта, полученного из картофеля потомками кулаков. Тот самый Джеймс Эптэптон добился признания. Такое редко, но происходит в низшей лиге литературных знаменитостей.

– Мистер Эптэптон?

Уже выпивший половину бокала № 3, он поднял глаза и увидел молодого человека серьезного вида, похожего на помощника менеджера.

– Я только хотел сказать, что прочел все ваши книги. Меня к ним пристраслил отец. Мне они очень нравятся.

– Ну, что же, – сказал Эптэптон, – скажем, большое спасибо.

Молодой человек присел рядом и принялся изливать свое восхищение творчеством Эптэптона, а тот поделился с ним опытом. Эта сделка принесла выгоду обоим, и когда после завершения бокала № 3 в потоке хвalebных речей возникла пауза, Эптэптон деликатно извинился, попрощался (с Томом? может быть, Джеком? или Сэмом?) и удалился. Таким образом, настроение у него было прекрасным. Он пересек Лайт-стрит, и теперь от горизонтального положения в постели его отделяла лишь узкая аллея, носившая имя Черчилля.

В угнанном черном «Камаро», припаркованном на Лайт-стрит, сидел русский и смотрел в окно. С терпением, присущим истинному профессионалу, он занимал этот наблюдательный пункт уже в течение трех дней, и один из его талантов заключался в умении точно определять, когда обстоятельства благоприятствуют ему, а когда нет.

Так, полицейский сканер выдал свой усеченный десятизначный код и лаконичные идентификаторы местоположения, что свидетельствовало об отсутствии полиции в зоне, непосредственно прилегающей к Федеральному холму. Улицы, блестящие росой, пусты, если не считать периодически перемещавшиеся взад и вперед компании подвыпивших молодых людей.

Функциональные возможности появившегося клиента были ограничены вследствие алкогольного опьянения и чрезмерной любви к себе.

Русский увидел мужчину в джинсах и твидовом пальто, в очках, похожих на те, что носят писатели. Троцкий, трансформировавшийся из Оруэлла с помощью Армани или кого-нибудь в этом роде. Такие очки можно увидеть в Нью-Йорке. Лицо круглое, самодовольное, поросшее бородой а-ля Хемингуэй. Из всех человеческих качеств наиболее явственно из него выпирал нарциссизм. Дорогие красивые туфли. Элегантно одетый тип.

Если исключить непредвиденное вмешательство сверхъестественных сил, которые благоприятствуют авторам триллеров, как никому другому в мире, это, по всей вероятности, должно произойти сегодня вечером. Русский не верил в сверхъестественные силы – лишь в силу быстрого автомобиля, способного сломать позвоночник бедному, ничего не подозревающему идиоту вроде этого в ста случаях из ста. Он видел, как делают это другие, он делал это сам. У него хватало хладнокровия и жестокости для того, чтобы причинять такие страшные травмы и не испытывать при этом особых эмоций. Он хорошо оплачиваемый профессионал.

Сегодняшний клиент, ослабленный воздействием алкоголя, сумел пересечь Лайт-стрит, не упав. Он перемещался в пространстве, прилагая чрезмерные усилия по контролю над собой, что характерно для пьяных. Рывок вперед, движение по инерции при отсутствии способности его адаптации: он оказывался не там, куда стремился, а там, куда его влекла неведомая сила, и в последний момент, пошатнувшись, производил боковую корректировку положения тела, как это делают клоуны.

Все это ровным счетом ничего не значило для русского, который не находил в данной ситуации ничего смешного. Он отмечал расстояния, углы и поверхности, чтобы правильно рассчитать скорость и, соответственно, силу удара. Буднично соединил два проводка из вырванного из приборной панели блока зажигания – и могучий, похожий на зверя автомобиль сразу ожил. Его многочисленные лошади под капотом, как и газы в выхлопной трубе, не производили слишком сильного шума. Он включил первую передачу, выехал на пустую улицу и немного подождал, поскольку ему требовалось по меньшей мере три секунды для разгона до скорости восемьдесят километров в час, необходимой для смертельного удара.

По обеим сторонам дороги простиралось не что иное, как Балтимор. В конце аллеи Черчилля, где с одной стороны высилась церковь, а с другой тянулась череда многоквартирных домов, предназначенных для миниатюрных людей 40-х годов XIX века, Эптэптон изменил направление и пересек перекресток. В городских документах место, по которому он теперь перемещался в пространстве, значилось улицей, хотя много лет назад она была предложена как аллея. Обрамлявшие ее крошечные кирпичные домики некогда служили жилищами для слуг или использовались в качестве административных и хозяйственных зданий и располагались позади больших домов, выходивших фасадами на более широкие, более презентабельные улицы. На протяжении ста лет эта аллея была завалена отходами жизнедеятельности свиней и лошадей вперемежку с кровью и потом негров и иммигрантов, обеспечивавших роскошную жизнь обитателям больших домов. Затем она неизбежно превратилась в трущобный закоулок, но дома здесь стояли добротные, и сносить их не стали. Последовавшее облагораживание выразилось в форме влажно поблескивавшей брусчатки из позапрошлого века, маленьких стилизованных газовых фонарей, аккуратных садилов, расписанных стен. Крошечные домики подверглись полномасштабной реконструкции и дали приют

модной городской молодежи. Эптэптон принялся развлекаться изобретением сексуальных извращений, которые, как он воображал, имели место по обе стороны аллеи Черчилля. И тут до его слуха донесся шум автомобильного двигателя.

Ага. Это означало, что он должен отрегулировать свой плохо функционировавший внутренний гироскоп и перейти с брусчатки на тротуар. Сзади нарастал низкий рокот.

Эптэптон обернулся и увидел в тридцати метрах обтекаемые формы «Камаро». Его ослепил яркий свет фар. Он поднял руку и дружелюбно улынулся, давая понять, что уступает превосходящей мощи и сейчас предпримет мужественную попытку сойти на обочину. В тот же самый момент он застыл на месте, пораженный неожиданной мыслью.

Происходящее напомнило ему ситуацию, описанную в одной из его книг: плохие парни, заядлые автомобилисты, использовали «камаро», «чарджеры» и «транс-амы», чтобы сбивать людей. Работая над этой книгой, он решил, что нужно на время отказаться от огнестрельного оружия и заменить его автомобилем. Однако, судя по всему, это не очень понравилось читающей публике. В другой книге он попробовал прибегнуть к мечам – тоже без особого успеха. У него, поклонника огнестрельного оружия, лучше всего получалось описание перестрелок.

Во всяком случае, это походило на сцену из «Грозового вечера», когда человека окликнули, а он рассмеялся, увидев в конце аллеи расплывчатые очертания черного, сверкающего, покрытого влагой автомобиля, блестящая поверхность которого таинственным образом отражала преломляющиеся лучи уличных фонарей – как в фильме в стиле «нуар».

«Это из моего подсознания», – подумал он.

В следующую секунду автомобиль набрал скорость.

Эптэптон не представлял, что можно ездить так быстро, но у него не осталось времени для обработки этой информации. Ноги оторвались от земли, и он взлетел в воздух.

Он не почувствовал никакой боли, хотя удар сопровождался сильным глухим стуком. Не было боли и тогда, когда он опустился на землю бесформенной массой изломанного тела. «О, как же она разозлится на меня!» – думал он, лежа на брусчатке, поскольку знал, что у него большие проблемы с женой.

Глава 02

Айдахо

В Кэскейде все ходят к Рику. Даже Свэггер.

Он появлялся там время от времени – может быть, три-четыре раза в месяц, – окруженный мифами и поражающий своей скромностью. Он всегда сидел за стойкой в одиночестве и пил черный кофе. Джинсы, стоптанные башмаки, куртка, линялая красная бейсболка с надписью «Razorbacks»². Он вполне мог сойти за рыбака, водителя грузовика, фермера или стрелка. Его тело было подтянутым, мускулистым, без признаков жировых отложений. Он всегда приходил в одно и то же время – в пять часов пополудни – вместе с фермерами. Говорили, будто у него проблемы со сном, и если после захода солнца ему не удавалось заснуть, он ехал к Рику, не столько для того, чтобы присоединиться к обществу, сколько для того, чтобы удостовериться в том, что общество находилось здесь.

Это была главная роль заведения Рика в общей схеме местного мироустройства.

Ассортимент блюд небогат – здесь главным образом завтракали; виртуозно работавший повар знал все способы приготовления яиц, а также обладал даром правильно определять пропорции хрустящей корочки, жира и жареного картофеля. Ранние визитеры, приезжавшие в Кэскейд, чтобы заплатить налоги, нанять мексиканцев, поохотиться или по каким-либо другим делам, всегда останавливались здесь, чтобы зарядиться энергией на весь день.

Свэггер, хотя и не будучи рубахой-парнем, похоже, любил компанию и с удовольствием слушал шутливые беседы фермеров, разговоры об успехах футбольной команды «Бойс Стэйт»³ и погоде. Он знал, что ни один дурак не обратится к нему с вопросами, просьбами или предложениями и что эти жилистые джентльмены являются добродушными шутниками, а не ораторами, и всегда играют по правилам.

Что касалось их, они знали только то, что слышали о нем, хотя не были уверены, где именно слышали это. Герой войны. Бывший морской пехотинец. Воспоминания о войне, которую мы проиграли. Предположительно лучший стрелок на всем Западе, или, во всяком случае, чертовски хороший стрелок. Любитель оружия и владелец большой коллекции стволов, приобретенных в магазинах «Мидуэй Ю-Эс-Эй» и «Браунеллс». Поздняя дочь, наполовину японка, ставшая победительницей чемпионата по родео для девушек до двенадцати лет – судя по всему, рожденная для верховой езды. Красавица жена, которая вела затворнический образ жизни и управляла конюшнями, принадлежащими семье, в трех или четырех штатах. Успешный бизнес. Повидал большой мир, но предпочел жить в этом маленьком мирке. Кто-то однажды сказал, что он похож на киногероя, и все согласились.

В заведении царил спокойная атмосфера, и даже Рик со своими двумя девушками, Шелли и Сэм, выглядел умиротворенным. Это продолжалось до тех пор, пока не появилась китаянка.

Впрочем, возможно, и не китаянка. Она была азиаткой неопределенного возраста – в широком диапазоне между молодой и немолодой – с крупным носом, темными умными глазами, взгляд которых мог бы пронзить сталь, если бы она того пожелала. Хотя она редко демонстрировала эту способность, ее улыбка могла разбивать сердца и изменять сознание. Невысокого роста, с большой грудью, она выглядела довольно крепко сбитой для женщины.

Она пришла в пять часов, заняла стул за стойкой, заказала кофе и в течение двух часов что-то читала в своей электронной книге. В семь ушла, оставив хорошие чаевые. Прият-

² «Razorbacks» (амер. «Кабаны») – общее название спортивных команд Университета штата Арканзас.

³ «Boise State Broncos» – название футбольной команды Университета штата Айдахо.

ная, скромная, погруженная в себя. Присутствие веселой компании фермеров, казалось, ее ничуть не смущало.

Она приходила ежедневно в течение двух недель, никогда не привлекая к себе внимания, всегда оставаясь в одиночестве и храня молчание. Парням не потребовалось много времени для того, чтобы понять, что ни один из них не интересуется эту сдержанную и загадочную красотку и что приходит она сюда исключительно ради Свэггера. Она выслеживала его.

Она могла быть журналисткой, писательницей, агентом из Голливуда – кем угодно, кто стремился заработать немного денег, выведав секреты, таившиеся под боевой маской на лице Свэггера. Тем не менее, когда он приходил, она не подавала виду, что проявляет к нему интерес. Он моментально замечал ее, как и все вокруг, но тоже никоим образом это не демонстрировал. Они сидели за стойкой – их разделял пустой стул – и пили черный кофе. Она читала, он, как всегда, слушал и иногда предавался воспоминаниям.

Это ритуал продолжался в течение двух недель и стал одной из главных тем сплетен в Кэскейде. В конце концов – скорее чтобы удовлетворить любопытство городских пустомель, нежели поддавшись внутреннему импульсу, – Боб подошел к ней.

– Мэм?

– Да, – произнесла она, подняв на него глаза. Он увидел, что она довольно красива.

– Мэм, вот эти парни полагают, что вы приехали в наш город для того, чтобы поболтать с человеком по имени Свэггер. Свэггер – это я.

– Здравствуйте, мистер Свэггер.

– Я хочу избавить вас от дальнейших неудобств, поскольку мне кажется, что вы могли бы проводить время в местах и получше, чем бар Рика в Кэскейде, штат Айдахо. В принципе я ушел из мира, и если вы приехали сюда только для того, чтобы увидеться со мной, вынужден разочаровать вас. Я ни с кем не общаюсь. Жена, дочери и сын – практически весь мой круг общения. Большую часть времени сижу в кресле-качалке и наблюдаю за тем, как солнце движется по небосводу. Всеми делами занимается жена. Поэтому, что бы ни привело вас ко мне, сэкономлю ваше время и скажу, что вам едва ли удастся добиться этого. И сказанное мною сейчас – это больше, чем я обычно говорю за год. Поэтому мне пора остановиться.

– Прекрасно, мистер Свэггер, – сказала женщина. – Время для меня не проблема. Я могу ждать годы, если нужно, и теперь никуда не спешу.

Боб не знал, что ответить на это. Ему было лишь хорошо известно, что у него нет никакой необходимости возвращаться в то место, которое он называл на жаргоне той войны, закончившейся много лет назад. Мир. Каждый раз, когда Свэггер соприкасался с ним, это дорого обходилось ему. В последний раз это стоило ему женщины, о которой он позволил себе позаботиться, и Боб не хотел вновь испытать глубокую печаль – по крайней мере, во время бодрствования. Ему хватало забот с двумя дочерьми и сыном, и в свои шестьдесят шесть, с пулей в бедре, с покрытым шрамами телом и с воспоминаниями о погибших товарищах, он не желал больше никаких приключений, никаких потерь, никакого горя. Он боялся всего этого.

Женщина заговорила вновь:

– Я знаю о вас все, чем вы занимались на войне. Эта профессия, судя по всему, требует терпения. Вы сидите и ждете, ждете, ждете. Не так ли?

– Совершенно верно, умение ждать – часть этой профессии, мэм.

– Я не умею делать ничего такого, что произвело бы на вас впечатление. Не умею ни стрелять, ни скакать на лошади, ни карабкаться по скалам. Ни одна из прочитанных мною книг не поразила бы ваше воображение. Ни одно из моих достижений не отразилось бы на экране вашего радара. Но я продемонстрирую вам терпение и дождусь того, что мне от вас нужно. Неделя, две недели, месяц, два месяца, и так далее. Я обязательно дождусь, мистер Свэггер. Я произведу на вас впечатление своим терпением.

Такого он не ожидал. Его напоминавшее маску лицо не выражало никаких эмоций. Возможно, он моргал своими круглыми, как у ящерицы, глазами или облизывал пересохшие губы. При каждом движении его тело издавало разнообразные звуки, ибо ни одно из пережитых им приключений не осталось без последствий. Солнце и ветер придали коже лица цвет гончарных изделий индейцев навахо, глаза выцвели, и в них не было места сочувственному выражению.

– Хорошо, мэм, – сказал он, – посмотрим, у кого терпения больше.

Их соревнование длилось три недели. Каждый раз, приходя к Рику, Свэггер думал, что женщина больше не появится. Но она каждый раз появлялась и сидела в углу, уткнувшись в свою электронную книгу и не поднимая головы. Он не приближался к ней, полагая, что это рано или поздно вынудит ее сдаться. Не тут-то было.

Наконец в середине четвертой недели она подошла к своему арендованному автомобилю и обнаружила, что рядом стоит черный «Форд Ф-150». Подтянутый и худощавый Свэггер в неизменной бейсболке стоял, прислонившись к его крылу, – рыбак, герой вестерна «Шейн», дальнобойщик.

– Ну ладно, – сказал он, – если бы вы затеяли это ради денег, то уже давно оставили бы эту затею. Если были бы просто сумасшедшей, то не смогли так долго выдерживать болтовню стариков в этом баре. Ваше упорство свидетельствует о высокой цели, стоящей перед вами. Вы выиграли и получите то, что хотите, насколько это в моих силах и если мне не придется при этом изменить себе.

– Мне нужно немного, – сказала она. – Это не деньги, не контракт и не выгодное дельце. Я приехала не из большого, шикарного города, а из скромного ржавого ведра, называемого Балтимор. Мне нужно услышать ваше мнение. Вы обладаете знаниями, которых нет у меня. Я покажу вам кое-что, и вы скажете, есть в этом что-то или это полная чушь, простое совпадение. Вот и всё. Забыла добавить – дело это весьма скучное.

– Хорошо, – сказал он. – Вы заслужили право наскучить мне. Я могу позволить себе испытывать скуку, это не проблема. Мы можем встретиться в ресторане «T.G.I.F.» рядом с автомагистралью в Айрон-Спрингс завтра в два. Это та еще дыра, но зато там многолюдно, шумно и никто ни на кого не обращает внимания. Мы выпьем кофе и поговорим. Я выбрал это место потому, что не хочу, чтобы старые козлы в этом заведении хихикали, увидев нас вместе.

– Справедливо, мистер Свэггер. Договорились.

Она явилась точно в назначенное время и нашла Свэггера сидящим в кабинке в задней части безвкусно оформленного ресторана, чья грязноватая веселость резко контрастировала с суровым выражением изборожденного разбегающимися от глаз морщинами лица Боба. Говоря проще, без ореола военной романтики он выглядел стариком, изрядно потрепанным жизнью. Тем временем многочисленные посетители ресторана, по всей очевидности, принадлежавшие к категории граждан, которые воспринимали это заведение в качестве символа свободы и райской жизни, громко разговаривали, поедали мороженое, кричали на детей и проявляли все признаки принадлежности к моторизованной цивилизации.

– Послушайте, мэм, я даже не знаю вашего имени.

Она расположилась за столиком напротив него.

– Меня зовут Жанна Маркес. Я филиппинка, но родилась и выросла здесь. По профессии журналист, хотя к делу это не относится. В данном случае газету не представляю. Мои родители оба врачи, мне пятьдесят пять, и я вдова.

– Прискорбно слышать о вашей утрате, миссис Маркес. Я потерял нескольких близких мне людей и знаю, какую это причиняет боль.

– Да, наверное. Зовите меня Жанна. Так меня зовут все. Имя моего покойного мужа – Джеймс Эптэптон. Оно говорит вам что-нибудь?

– Хм... – произнес Свэггер и задумался, нахмурившись. Спустя несколько секунд его лицо прояснилось. – Кажется, вспомнил. Это писатель, который рассказывал о снайперах? Знаток оружия, не так ли? Я не встречался с ним и не читал его книг, но не раз слышал о нем. Теперь, вспомнив, думаю, не меня ли он вывел в своих книгах под именем Билли Дон Верное Сердце, что-то в этом роде?

– Что-то в этом роде. Да, Джим был знатоком и любителем оружия. Если бы вы прожили с ним двадцать лет, как я, то привыкли бы к тому, что оружие повсюду вокруг тебя. Со временем он стал достаточно состоятельным, чтобы позволить себе купить пистолет-пулемет «томпсон» за семнадцать тысяч долларов. Если вы захотите взять его напрокат, дайте мне знать. Я могу предоставить его вам по приемлемому дневному тарифу.

– Буду иметь это в виду, но надеюсь, что мой собственный «томпсон» мне еще послужит.

– У нас в доме всюду было оружие, журналы по оружейной тематике, биографии людей вроде Элмера Кейта и Джона М. Браунинга, головы убитых животных и все такое прочее. Мне приходилось мириться с этим. Он никогда не интересовался политикой, его единственной страстью было оружие. Я относилась к этому терпимо, поскольку он был довольно забавным во всем, в том числе и в этой своей страсти. Добрый человек, после достижения успеха никогда не скряжничал и всегда достойно вел себя по отношению к нашим детям, своей матери, моей семье и всем друзьям и знакомым. Он покупал оружие, пил водку и веселил людей. Все, кто знал его, очень горевали по поводу его кончины и еще долго будут вспоминать о нем.

– От чего он умер?

– Однажды вечером этот идиот отправился в бар и выпил там целых три бокала водки с мартини вместо положенного одного. По дороге домой он потерял ориентир и попал под колеса автомобиля, водитель которого тут же скрылся.

– Мне очень жаль. Его потом разыскали?

– Нет. В этом-то и проблема. Ежегодно свыше двух тысяч человек становятся жертвами наездов, и в девяноста восьми процентах случаев эти преступления раскрываются. Не исключена вероятность того, что это было умышленное убийство. Мне представляется, что какой-то сидевший за рулем парень увидел старика, бредущего по улице, и нажал на педаль. Ради развлечения, ради смеха. Не знаю. Но... а может быть, и нет.

– У меня есть опыт общения с человеком, намеренно сбившим прохожего насмерть. Это более чем вероятно. Автомобиль с профессионалом за рулем – смертельное оружие. Полагаю, вы расскажете мне, почему считаете, что это могло быть убийством.

– Да. Переходим к скучной части. Может быть, вам заказать кофе?

– Мне нравится ваш муж. Мне нравитесь вы. Все отлично. Попробуйте нагнать на меня скуку.

– В этой истории, которую я собираюсь вам рассказать, почти ничего не происходит. В ней нет ни ярких персонажей, ни неожиданных поворотов судьбы, ни драматических событий, ни юмора. Это произошло много лет назад на рабочем месте.

– Звучит обнадеживающе.

– Все весьма туманно, и подтверждений этому никаких нет. Возможно, речь идет о мистификации, но история эта настолько мрачная, что не могу представить, как из нее можно извлечь какую-либо выгоду. Мне неизвестны точные даты. Впервые она была изложена в письме, затем спустя несколько лет – во втором письме, и спустя еще несколько лет – в третьем письме. Я не читала ни одно из этих писем, и промежутки времени между ними дают основания полагать, что их авторы, вследствие ухудшения памяти, каждый раз что-то

упускали из виду. Эту историю я узнала от мужа и, должна признаться, не придавала ей особого значения, так что моя память тоже не может служить надежным источником. В целом, как свидетельство преступления эта история довольно трогательна.

– Наверное, она все еще продолжается?

– Да. Люди не могут просто взять и забыть о ней. Они думают, что забыли, и живут обычной жизнью, но среди ночи она возвращается и будит их. Она будила авторов трех писем и моего мужа. Она неоднократно будила меня, вынудив навести справки о мистере Бобе Ли Свэггере, разыскать его в засиженном мухами баре маленького городка Кэскейд, штат Айдахо, и потратить почти два месяца на то, чтобы добиться у него аудиенции.

– Следует заметить, пока ваш рассказ вызывает у меня интерес. Вы меня заинтриговали.

– Начнем историю с молодого человека, выпускника инженерной школы в Далласе, штат Техас. Время неизвестно, но я думаю, середина семидесятых. Он умен, амбициозен, трудолюбив и скромен. Он мечтает устроиться в какую-нибудь крупную строительную фирму и возводить гигантские здания. Однако ему удастся найти лишь место инженера по лифтам.

– Лифтам?

– Совершенно верно. Должность не самая блестящая. Однако лифт, который мы воспринимаем как нечто само собой разумеющееся, представляет собой сложную инженерную конструкцию. Он требует чрезвычайно больших трудозатрат на разработку, техническое обслуживание, регулировку, и ни один человек, выполняющий эту работу, не воспринимает его как само собой разумеющееся. Фирма, в которую устроился молодой человек, занималась установкой лифтов и их техническим обслуживанием, дабы они могли проходить ежегодные испытания и не роняли периодически десяток человек с высоты пятидесятого этажа.

– Разумно.

– Это тяжелая, неприятная работа. В шахтах и машинных отделениях царит тьма, отсутствуют кондиционеры, они плохо вентилируются. В те времена условия были еще хуже, чем сейчас. Рабочее пространство ограничено, и приходится проявлять чуть ли не акробатические способности, чтобы добраться до механизмов. Кроме того, эта работа очень нервная, поскольку строительные менеджеры не любят закрывать лифты, так как жильцы выражают недовольство. Вам ясна картина?

– Вполне.

– Наш молодой человек со своей бригадой находится в машинном отделении на крыше здания. Они устанавливают фонари, определяют степень износа тросов, шестеренок и электрических двигателей, смазывают движущиеся части, работая в спешке, чтобы как можно быстрее пустить лифт. В машинном отделении жарко, тесно и темно – освещается оно только фонарями. И вдруг – бабах!

– Бабах?

– Один из рабочих неловко двигается, задевает что-то на стене, раздается громкий треск – это что-то падает на пол. Поднимается большое облако пыли со странным запахом, все кашляют, хрипят. Лучи всех фонарей направляются на упавший предмет. Выясняется, что рабочий наткнулся на висевшую на стене полку. Крепившие ее болты проржавели, штукатурка стены частично осыпалась, поэтому сбить полку не составляло большого труда. На пол просыпалось находившийся на ней материал. Такова мизансцена.

– Мое сердце колотится в груди от нетерпения. Я весь внимание.

– А дальше действительно скучная часть истории. Они выясняют, что случилось с полкой, вешают ее обратно и начинают укладывать на нее материал, представляющий собой, как выясняется, обрезки ковра. Дело в том, что на полу в вестибюле здания лежит большой

ковер, и кто-то решил, что машинное отделение лифта является идеальным местом для хранения его обрезков, которые могли бы понадобиться для пришивания заплат и других целей.

– Звучит довольно таинственно.

– И вдруг кто-то говорит: «Эй, взгляните-ка на это». Как бы вам понравилось, если бы там оказалась винтовка? Варианты: ящик аммонита, снайперский прицел, шпионская радиостанция, что-нибудь из арсенала Джеймса Бонда...

– Это было бы чрезвычайно интересно.

– К сожалению, это всего лишь пальто. Я же говорила, это будет скучная история.

– Она вовсе не лишена интереса. Пожалуйста, продолжайте.

– Это мужское пальто, размер XL, габардиновое, довольно высокого качества, в очень хорошем состоянии. Почти новое. В свое время оно было аккуратно свернуто и уложено между остатками ковра. И опять – никаких дат, никаких деталей, ничего.

– Понятно, – произнес Свэггер.

– Они разворачивают пальто и тут же делают открытие. От него исходит чрезвычайно неприятный смрад. В лучах фонарей их взорам предстает пятно на левой стороне груди – явно химического происхождения. Даже сейчас, по прошествии многих лет, это пятно издает очень сильный запах. Его так и не удалось вывести. Таким образом, доставшееся им бесплатно пальто требует химчистки, и нет никакой уверенности в том, что от пятна и исходящего от него запаха можно избавиться. Оно оказывается никому не нужным, отправляется в мусор и исчезает. Навсегда. Конец истории. Не такая уж она содержательная, не правда ли?

– Да, но в ней присутствуют любопытные моменты. – Боб задумался. В этой истории, вне всякого сомнения, было нечто заслуживающее внимания. Даллас. Оставленное пальто. Пятно со странным запахом.

– Далее, – продолжила женщина, – инженер переходит на работу в крупную строительную фирму, как и мечтал. Затем опять идет на повышение, поскольку отличается умом и трудолюбием. Он принадлежит к тому типу людей, которые создали Америку. Со временем становится совладельцем фирмы, женится на бывшей однокласснице, у них рождаются три прекрасные дочери, и они переезжают в фешенебельный пригород, где живут его партнеры по бизнесу. Он вступает в члены престижного клуба и приобретает солидную репутацию. Его дочери очень удачно выходят замуж. Я опускаю подробности, но вы получаете общее представление. Одна из его дочерей обручается с сыном процветающего фермера. Фермер и его жена приглашают инженера с женой для знакомства на барбекю. Они сидят в просторной, отделанной панелями гостиной и видят через венецианское окно плавательный бассейн, привязанную к ограде белую лошадь, зеленые луга. Инженер замечает странную вещь: усадьба заполнена чучелами животных. Оказывается, фермер является заядлым охотником, объездившим весь мир. Животные самые разные: львы, тигры, медведи, горные козлы, соболи, антилопы. Они пьют виски с содовой, душевно беседуют, и тут фермер говорит: «Послушайте, Дон, не хотите посмотреть мою мастерскую?»

Дон соглашается, и они идут в мастерскую. Инженер видит там ружья, головы зверей, мишени, фотографии охотников с убитыми животными, старый календарь с Мэрилин Монро, инструменты – все то, что имелось и у моего мужа, хотя, я думаю, коллекция фермера содержалась в большем порядке. Инженера поражает стоящий в мастерской запах. Это старинный, очень старинный запах. Не знаю, известно ли вам, что психологи считают обонятельные сигналы мощнейшими факторами напоминания. Запах способен вернуть вас в прошлое и воссоздать сигналы для других органов чувств. Вы возвращаетесь в то место и в то время, где и когда впервые ощутили этот запах. И, разумеется, Дон возвращается в машинное отделение лифта на крыше здания на тридцать лет назад.

– «Джи-Ай» или «Хоппс 9»? – спросил Боб.

– «Хоппс», – ответила она, – химическое средство для чистки огнестрельного оружия. Имеется в продаже с двадцатых годов. Именно этот запах ощущает Дон в мастерской своего нового приятеля и понимает, что ощущал его много лет назад в здании, которое я, конечно, не назвала.

– Вы хотите сказать, что это Книгохранилище штата Техас?⁴

– Если бы. Нет. Это здание, расположенное на Хьюстон-стрит непосредственно напротив Книгохранилища штата Техас. Оно называется «Дал-Текс». В 1963 году оно уже существовало. Его название расшифровывается не Даллас-Техас, а Даллас-Текстиль, поскольку в нем располагалась штаб-квартира управления легкой промышленностью города. В этом здании, наряду с сотней других, находился офис Эбрахама Запрудера. Оно ничем не примечательно, за исключением того, что имеет ту же высоту и расположено под тем же углом к Элм-стрит вблизи Дили-Плаза, что и здание Книгохранилища, которое использовал наш друг Ли Харви Освальд. Теперь вы понимаете, почему эта история продолжается?

– Понимаю, – сказал Боб, пытаясь воспроизвести в сознании Дили-Плаза, этот треугольник травы в сердце американской тьмы. У него ничего не получилось. Не возникли ни образ, ни ощущение места.

– Это здание фигурирует в нескольких тысячах конспирологических версий. Я изучала их, и среди них нет ни одной интересной или убедительной. Кое-кто утверждает, будто на фотографии можно различить винтовку на треноге, установленной на камине, но это всего лишь тени. После того как здание закрыли спустя несколько минут после выстрелов, были произведены «аресты», но они ничего не дали. Некоторые люди заявляют, без каких-либо доказательств, будто это одно из девяти или двенадцати мест для стрельб, тайно использовавшихся ЦРУ, «Сирс», «Робак»⁵, ВВС Канады и «Проктор и Гэмбл». Так что достоверной информации совсем немного.

Боб кивнул.

– Но история продолжается, – сказала женщина, – особенно для инженера. Он не может выбросить ее из головы. Надеюсь, вы понимаете, почему?

– Наличие «Хоппс» позволяет предположить, что кому-то понадобилось почистить винтовку, а это, в свою очередь, свидетельствует о присутствии винтовки. И есть все основания полагать, что во время процедуры чистки растворитель каким-то образом пролился на пальто. Пальто было аккуратно свернуто и спрятано, словно тот, кто пролил на него растворитель, не хотел, чтобы оно стало достоянием общественности. Многие люди в Техасе, в том числе большинство полицейских, сделали бы правильные выводы, увидев его, а главное, почувствовав издаваемый им запах. В те времена «Хоппс» являлся универсальным средством для чистки огнестрельного оружия. Это вполне могло произойти 22 ноября 1963 года. Поэтому история и продолжается. Согласно ей, винтовка оказывается там, где ее не было. Но это малоубедительно.

– Вот именно. Проходит несколько лет. Инженер не знает, что ему с этим делать. Он не дурак и тоже понимает, что история слишком малоубедительна, чтобы идти с ней в полицию. Затем ему попадаете книга под названием «Стрельба в Пенсильвании», написанная моим мужем и его другом. Она посвящена покушению на Гарри Трумэна в 1950 году, закончившемуся перестрелкой посреди улицы, среди бела дня, в центре Вашингтона, прямо напротив Белого дома. Двое погибших, четверо раненых. Почти забытая история. Но инженер читает книгу. В частности, об агенте спецслужб по имени Флойд Барринг, который руководил людьми, осуществлявшими наблюдение из Блэр-Хауз, где произошла перестрелка, и

⁴ Именно из здания Книгохранилища, согласно официальной версии, Ли Харви Освальд застрелил президента США Дж. Ф. Кеннеди в 1963 г.

⁵ «Сирс, Робак энд Компани» (англ. Sears, Roebuck and Company) – крупная американская торговая сеть.

считался героем. Он убил одного из покушавшихся выстрелом в голову и, возможно, спас Гарри Трумэну жизнь. Инженер узнает из книги о том, что Флойд еще жив и что через тринадцать лет после своего геройства в Вашингтоне он, все в том же качестве агента спецслужб, находился в Далласе в момент убийства президента, а затем давал показания Комиссии Уоррена. Инженер наводит справки о Флойде, который производит впечатление честного, порядочного, преданного своему делу человека. Он представляется ему идеальным кандидатом на роль слушателя. Так появляется первое письмо. Инженер пишет Флойду и излагает все, о чем я вам рассказывала.

– Однако сами вы это письмо не читали.

– Я рассказывала вам то, что слышала от Джима, хотя и слушала не очень внимательно.

Свэггер кивнул и представил старого агента, получающего толстый конверт от неизвестного ему человека и медленно изучающего его содержимое.

– Как же отреагировал этот парень из спецслужб?

– Никак. Вероятнее всего, он просто выбросил письмо в мусорную корзину. Ему наверняка надоело читать и выслушивать всяческий бред по поводу убийства Кеннеди. Опять-таки, он фигурировал в некоторых версиях, что ему, очевидно, совсем не нравилось. Кроме того, он в то время тяжело болел, жил в доме престарелых в Силвер-Спринг, оплакивал смерть жены и знал, что скоро настанет и его черед.

– Понятно.

– И все же история продолжалась. Инженер не мог забыть о ней. Через несколько лет он пишет письмо – полписьма – моему мужу. Оно осталось незаконченным и не было отправлено. Возможно, он передумал. Кто знает? Как бы то ни было, он умирает. Продолжения больше нет. История закончилась. Однако еще через несколько лет его дочь находит незаконченное письмо и отправляет Джиму. Итак, спустя годы после того, как обнаружили пальто, как идентифицировали запах, как об этом сообщили отставному агенту спецслужб, благодаря дочери инженера мой муж получает это письмо.

– И он видит перспективы?

– Еще какие. Он заключает контракт, согласно которому должен писать по одной книге в год, и успевает написать одну, когда ему приходит письмо от Флойда, полученное тем в свое время от инженера. Джим понимает: в этом что-то есть. Несколько дней он проводит расследование – изучает карты, просматривает книги, – и на него снисходит озарение. Он утверждает, будто раскрыл тайну убийства Джона Кеннеди. Подозреваю, определенную роль в этом сыграла водка. Ему приходит на ум мысль, которая до сих пор никому не приходила. Он должен ехать в Даллас. И Джим едет.

– Ему удалось что-нибудь выяснить?

– Он переговорил со многими людьми и, похоже, побывал в здании «Дал-Текс». Вернулся Джим чрезвычайно возбужденный и принялся работать как одержимый. Спустя неделю он отправился в бар немного выпить, и этот поход завершился сломанным позвоночником в результате наезда.

– Вы думаете, его убили из-за того, что он изучал некую версию гибели Кеннеди?

– Я всего лишь изложила факты. Фактом также является то, что эта история теперь известна только мне одной. И она продолжается. Я не могу отмахнуться от нее. Мысль о существовании связи между ней и внезапной смертью моего мужа не дает мне спать по ночам. Во всем этом должен разобраться знающий человек, работавший в данной сфере. На эту почетную роль я выбрала вас. И теперь задаю вам вопрос, ради которого прошла столь долгий путь: есть в этом что-нибудь?

Свэггер тяжело вздохнул.

– Что все это значит? Вы считаете меня идиоткой? Думаете, что вся эта история – чушь собачья? Что я впустую потратила массу времени?

– Нет, чувствую, в этом что-то есть. Я не говорю, что на сто процентов верю в правильность заключения Комиссии Уоррена о стрелке-одиночке. Хотя я и не проводил расследование, но, как и вы, считаю, что большинство этих «версий» придуманы людьми, надевшимися заработать немного денег. В этом преступлении разбирались так долго и так много людей, что едва ли в нем осталось что-нибудь неисследованное.

– Пожалуй.

– Давайте взглянем на это дело с иной точки зрения. Мне кажется, вы кое-что упустили, как упустили ваш муж, Флойд и инженер. То, что вы упустили, находится в Техасе. Там любят оружие. В Балтиморе вы вынуждены объяснять, зачем вам оружие, в Техасе же вас наверняка никто об этом не спросит. Там все имеют оружие. Жители ходят с ним на барбекю, в оперу и на пляж. В присутствии винтовки в том здании нет ничего необычного. Я могу придумать сотню причин ее нахождения там, помимо намерения кого-то убить президента. Какие-то ребята собрались поохотиться на оленей после работы и в целях экономии времени оставили там свое оружие. Один из них видит, что его винтовка нуждается в чистке, и продвигает эту процедуру. Он прислоняет винтовку к стене, и один из его товарищей задевает ее своим пальто. Увидев пятно, владелец пальто выбрасывает его в мусорный бак. В тот же вечер уборщик находит его и решает взять себе. Но запах «Хоппс» так силен, что он засовывает его куда-то, а потом забывает о нем. Спустя годы его находят рабочие, обслуживающие лифты. Подобное могло произойти и не в сезон охоты на оленей, поскольку техасцы отстреливают множество птиц – голубей, ворон, галок. Присутствие винтовки удивило вас только потому, что вы не знаете Техас.

– Я понимаю.

– Мэм... извините, Жанна, вы обладаете тем, что в морской пехоте называют интеллектом. В этой истории нет ничего такого, ради чего стоило бы предпринимать какие-либо действия. Существует слишком много других версий, заслуживающих изучения. Мой вам совет: поздравьте себя с тем, что вы в полной мере выполнили долг перед мужем, и возвращайтесь к обычной жизни. Думаю, ваш муж со временем тоже пришел бы к этому. Возможно, он воплотил бы эту историю в книгу, но реального смысла она не содержит и наверняка никак не связана с его гибелью. Извините за прямоту, но вы напрасно проделали такой путь и потратили столько времени.

– Нет, мистер Свэггер, вы не правы. Думаю, вы наставили меня на путь истинный.

– Надеюсь, что оказался полезен вам. И мне очень жаль вашего мужа. Может быть, к вашему возвращению полиция уже отыщет этого парня.

– Может быть.

– Позвольте мне проводить вас к автомобилю, и мы покинем это богом забытое место.

– Благодарю вас.

Они поднялись, и Жанна оставила на столе несколько купюр официантке.

– Думаю, мы никогда не узнаем, – сказала она, садясь в автомобиль, – кто переехал его на велосипеде.

Боб слушал ее вполуха, глядя украдкой на часы, поскольку обещал Мико позаниматься с ней верховой ездой и бросанием лассо.

– Простите? – переспросил он – Что вы сказали?

– На задней стороне пальто имелся отпечаток длиной сантиметра три, который, по мнению инженера, мог быть следом шины английского велосипеда – ну такого, знаете, с тонкими колесами. Второстепенная деталь. Я просто забыла...

– У вас есть список людей, которых посетил ваш муж?

– У меня есть его записная книжка. У него был неважный почерк, но там есть несколько имен и адресов. А что вы хотите?

– Мне нужно кое в чем разобраться. Это займет неделю. Я хочу, чтобы вы вернулись домой, нашли эту записную книжку и переслали ее мне через «ФедЭкс». Если у него были компьютерные файлы с информацией о поездке в Даллас или какие-нибудь заметки, пришлите мне их тоже. Я отправлюсь туда, как только закончу дела здесь.

– Вы хотите взять напрокат «томпсон»?

– Пока нет.

– Вы не шутите?

– Нет, мэм.

– Вы не хотите, чтобы я оплатила расходы? Я достаточно состоятельна и могла бы...

– Нет, мэм, мне это вполне по карману.

Глава 03

На углу Хьюстон-стрит и Элм-стрит под сенью старых дубов сидел на скамейке человек. Перед ним располагалось нечто вроде церемониального прямоугольного бассейна из белого цемента. Вокруг него бурлила *la vie touristique*⁶. Различные подтипы человеческого поведения объединяли маленькие группки причудливо одетых людей с камерами, не соответствовавшими масштабам этого урбанистического пространства, называемого Дили-Плаза, в котором они находились. Все это казалось очень странным. Иногда какой-нибудь смельчак выбегал на проезжую часть Элм-стрит во время короткого перерыва в движении и вставал на один из двух знаков Х, отмечающих место, где был застрелен человек. Бездомные просили милостыню или продавали по пять долларов газету под названием «Хроники заговора» с последними версиями преступления века.

На противоположной стороне Элм-стрит стоял семиэтажный кирпичный дом – неприметный, но знаменитый, носящий название Техасское книгохранилище. Несмотря на свою банальность, он имел один из самых узнаваемых фасадов в мире, и особенно узнаваемым был угол седьмого этажа, где сорок девять лет назад сидел в засаде человек. Небо было по-настоящему техасским, то есть ярко-синим, дул слабый восточный ветер. Поток автомобилей двигался по Хьюстон-стрит, совершал замысловатый поворот на сто двадцать градусов налево, двигался по Элм-стрит к выезду на Стеммонс-фривэй за тройной эстакадой. Люди занимались своими делами, куда-то спешили, и для большинства жителей Далласа трагедия Дили-Плаза давно стала достоянием истории.

Свэггер сидел в одиночестве и мысленно переживал события 22 ноября 1963 года. Он смотрел по сторонам, вверх и вниз, оборачивался назад, рассматривал свои ботинки, кончики пальцев и пытался вспомнить. Тот день походил на этот: безоблачное небо, синее, словно глаза кинозвезды. По крайней мере, так писали газеты. Сам Боб в то время спал, находясь на другом конце света – на японском острове Окинава. В ту пору он был семнадцатилетним младшим капралом в составе снайперской команды и готовился провести три недели на стрельбище, всаживая пули из «гаранда» в черные мишени с дистанции пятьсот метров или около того. В тот момент ему ничего не было известно, и он оставался в неведении еще многие годы.

Но в 12.29 в Далласе президентский кортеж свернул с Мейн-стрит, проехал один квартал по Хьюстон-стрит, по северной границе треугольного открытого парка Дили-Плаза. Сейчас он видел его: черный длинный «Линкольн». На переднем сиденье водитель и агент спецслужб, за ними губернатор Конналли с женой, далее президентская чета – харизматичный Джон Ф. Кеннеди в строгом костюме и его жена Джеки в розовом платье, оба приветственно машут толпам стоящих вдоль проезжей части людей.

«Линкольн» достиг Элм-стрит и повернул налево, направляясь к Стеммонс-фривэй, куда можно было въехать только с Элм-стрит. Это был поворот на сто двадцать, а не на девяносто градусов, и поэтому водителю, агенту секретной службы по фамилии Греер, пришлось притормозить. Вновь набрав скорость, он миновал несколько деревьев и продолжил движение по Элм-стрит. Справа от него находилось Книгохранилище, которое сейчас высилось над Свэггером. Боб поднял голову, устремил взгляд на угол седьмого этажа и увидел... всего лишь окно.

В тот день, в 12.30, когда автомобиль проезжал мимо деревьев, раздался звук, который практически все приняли за звук выстрела. Казалось, непосредственно никого он не поразил, но по крайней мере один свидетель, человек по фамилии Таг, заявил: в него попало нечто, что

⁶ Туристическая жизнь (*фр.*).

можно было бы принять за фрагмент пули, врезавшейся в бордюрный камень позади автомобиля. Пули разлетаются на фрагменты, в этом нет ничего странного или необычного. Примерно через шесть секунд раздался второй выстрел, и большинство людей предположили, что он был произведен из здания Книгохранилища. Эта пуля вошла президенту в спину, возле шеи, вышла через горло, надорвав галстук, прошла сквозь запястье Джона Конналли и ударила ему в бедро, но не смогла проникнуть внутрь. В тот же день ее нашли на каталке в больнице. Ее называли «волшебной», поскольку то, что сделала она, по мнению многих, не могла сделать обычная пуля.

Спустя несколько секунд – сколько именно, так и осталось невыясненным – раздался третий выстрел, произведенный с седьмого этажа Техасского книгохранилища. Пуля попала президенту в затылок. Судя по всему, она распалась или взорвалась, поскольку несколько трасс ее прохождения, в лучшем случае, противоречат друг другу. Пуля вырвала из черепа большой кусок мозгового вещества и разворотила правую часть головы.

Последовал хаос. «Линкольн» с двумя тяжело ранеными мужчинами и их женами помчался в больницу. Полиция – очевидно, недостаточно быстро – оцепила дом, из которого, по всей видимости, стреляли. После проверки наличия служащих выяснилось, что отсутствует Ли Харви Освальд, хотя в тот день его видели, и офицер полиции даже столкнулся с ним в столовой сразу после выстрелов.

Среди полицейских распространили описание Освальда, и в нескольких километрах от места преступления, в районе Далласа Оук-Клифф, офицер Дж. Д. Типпит заметил человека в автомобиле, соответствовавшего этому описанию. Типпит окликнул его и вышел из автомобиля. Подозреваемый выстрелил четыре раза, и тот скончался на месте.

Подозреваемый попытался скрыться. По городу уже поползли слухи об убийстве Кеннеди, и его странное поведение привлекало внимание окружающих. Они заметили, как он вошел в кинотеатр, и вызвали полицию. Так был арестован Ли Харви Освальд.

Тем временем полицейские обнаружили на седьмом этаже Книгохранилища «снайперское гнездо» из картонных коробок из-под книг у углового окна с тремя гильзами от патронов калибра 6,5 мм, а в тридцати метрах, у лестницы, ведущей вниз, – карабин «манлихер-каркано», модель 38⁷, с дешевым и плохо закрепленным оптическим прицелом японского производства. У него был передернут затвор, в патроннике находился патрон.

На карабине и на картонных коробках снайперского гнезда нашли отпечатки пальцев Освальда. Выяснилось, что утром того дня он принес в Книгохранилище подозрительную сумку со «штангами для штор» и что незадолго до этого заказал – под вымышленным именем – карабин «манлихер-каркано» и револьвер «смит-и-вессон», использованный при убийстве Типпитта. Кроме того, было хорошо известно, что он исповедовал левые взгляды, считал себя коммунистом, служил в морской пехоте (отсюда снайперские навыки), избивал жену и, согласно всеобщему мнению, являлся подонком.

Он так и не предстал перед судом, поскольку утром 24 ноября 1963 года был убит Джеком Руби, когда его вели к бронированному автомобилю, чтобы перевезти в более безопасное место.

Таковы факты, которые после долгих споров признала и приняла широкая общественность. Свэггер признавал и принимал их – вплоть до своей беседы с Жанной Маркес.

Ее слова пробудили в нем воспоминания из давнего прошлого. Однажды, во времена бурной молодости, его преследовала группа людей, и рассказ Жанны о следе протектора на спине пальто был исполнен для него особого смысла. Удивительно, что спустя столько лет этот след вновь настиг его.

⁷ Не совсем верное обозначение. Правильнее будет: карабин Каркано M91/38.

– Не могу поверить, что я нахожусь здесь, – произнес кто-то, прервав путешествие Свэггера во времени. Это был его друг, более молодой, лучше одетый – на вид преуспевающий далласский чиновник, в шерстяном костюме от «Хики Фримен»⁸, – севший на скамейку рядом с ним.

– Мы включили в группу, расследовавшую убийство Кеннеди, самого неразговорчивого стажера, – сказал человек, после того как они обменялись приветствиями и рукопожатием. – Ежедневно он принимал от десяти до двадцати звонков от людей, которые точно знали, что в этом преступлении замешаны цыгане, Ватикан и японская императорская разведка.

В настоящее время Ник Мемфис служил специальным агентом, руководившим далласским управлением ФБР. Большинство людей назвали бы эту должность тепленьким местечком, но для него она стала последней ступенькой перед выходом на пенсию. Его карьера достигла кульминационной точки, когда новый директор Бюро услышал, что тот принимал непосредственное участие в расследовании трагического инцидента, произошедшего в огромном торговом центре в Миннесоте⁹, и решил, что ему следует находиться подальше от центрального управления. Помощник директора, желчный тип по фамилии Ренфро, взял на себя деликатную миссию уговорить Ника перейти с должности заместителя директора в региональное управление, достаточно крупное и успешно расследовавшее больше дел, чем в среднем по стране, и вместе с тем не требовавшее радикальной перетряски или внесения кардинальных перемен в стиль руководства. Отныне его служба не была сопряжена с особыми хлопотами. Он должен подписывать требования, утверждать бюджет и следить за тем, чтобы следственные группы укомплектовывались надлежащим образом.

Свэггер молчал. Он знал, что привел своего более молодого приятеля в изумление несколько дней назад странной просьбой и что Нику нужно выговориться. Он дал ему возможность выпустить пар.

Свэггер был, как всегда, лаконичен и отстранен. Невольно возникало ощущение, будто он облачен в камуфляж, хотя на нем был костюм цвета хаки, напоминавший хозяйственную сумку, надетую на пугало. Он неловко закинул ногу на ногу, демонстрируя выдавшие виды ботинки «нокона». Сидя он выглядел моложе, поскольку несколько старых ран придавали его походке некоторую несбалансированность и неуверенность. Другой морщился бы от боли, которая пронзала его бедро, и удивлялся, почему старик с таким упорством отказывается использовать болеутоляющие средства. Но сегодня по крайней мере он не надел традиционную выцветшую бейсболку с надписью «Razorbacks».

– Я должен тратить на тебя средства из программы защиты свидетелей Департамента юстиции, – кипятился Ник. – Кем ты себя возомнил, Марком Лейном?¹⁰ Это сделал Освальд, и больше никто. Об этом свидетельствуют результаты всех расследований, самые последние компьютерные реконструкции, к этому заключению пришли все комиссии. Только сумасшедшие и вегетарианцы верят в заговор. Послушай, приятель, если станет известно, что я влез в это дело, Ренфро надерет мне задницу.

– Ценю твое расположение, – нарушил наконец молчание Свэггер. – И, пожалуйста, не думай, будто я сошел с ума. Я считаю, мой мозг функционирует вполне нормально. Медленно, как всегда, но нормально.

Ник издал звук, означавший разочарование.

⁸ Известный американский бренд мужских костюмов.

⁹ Об этом подробно рассказывается в романе С. Хантера «Алгоритм смерти».

¹⁰ Марк Лейн – американский юрист, чья книга-исследование, посвященная обстоятельствам покушения на Кеннеди, стала национальной сенсацией, представив иную версию преступления.

– Приятель, мне не следовало даже пытаться перехитрить тебя. Кеннеди! Мог ли я подумать, что ты залезешь в эту яму с дерьмом!

– Если тебе нужно оправдание, ты можешь сказать им, что занялся расследованием убийства. Человек приезжает из Балтимора в Даллас, затем возвращается домой и погибает при обстоятельствах, которые очень напоминают профессионально организованное убийство.

– Расследование убийства в Балтиморе не входит в нашу юрисдикцию, – с раздражением возразил Ник. – Оно находится в компетенции местных властей.

– Сбивший его водитель приехал в Балтимор, чтобы выполнить эту работу, откуда-то – возможно, из Далласа. Это абсолютно точно, поскольку во всем мире одновременно действуют не более двух-трех профессиональных автомобильных киллеров, и, насколько мне известно, в Балтиморе их нет.

– Это ровным счетом ничего не значит. Его мог сбить пьяный.

– Я видел рапорт, составленный в Балтиморе. Там был свидетель: девушка, выгуливавшая собаку. Она все видела. После наезда он нажал на акселератор и умчался по прямой линии, не виляя и не отклоняясь в стороны, затем совершил резкий поворот влево на большой скорости и секунды через три скрылся из вида. При этом не было слышно визга тормозов, не осталось следов юза или заноса на обочину. Налицо все признаки профессионального вождения, пусть даже в Балтиморе и не обратили на это внимания. Если он приехал в город откуда-то, это твой клиент, и если ты удержишь его и докажешь, что он пересек границы между штатами, чтобы совершить преступление, то им наверняка заинтересуется прокурор Балтимора, и этот парень сгниет в тамошней тюрьме.

Ник знал, что этого едва ли будет достаточно. Он тщательно обдумал ситуацию, пытаясь понять, что из нее можно выжать. И пришел к выводу: заказные убийства случаются довольно редко, и арест киллера может стать хорошим достижением в карьере, несмотря на препоны со стороны мистера Ренфро. Возможно, если этот водитель-ас окажется закоренелым преступником и будут представлены достаточно убедительные доказательства – а Свэггер умеет это делать, – они могут привлечь группу экспертов из «Формулы-1», чтобы прикрыть его задницу и избавить всех от препирательств в суде. Пресса любит, когда ребята из «Формулы-1» выводят злодеев на чистую воду.

– Если будешь иметь дело с представителями местных властей, не упоминай фамилию Кеннеди. Ни в коем случае. Речь идет о межштатном преступлении. Я не хотел привлекать местного агента и воспользовался услугами одного парня, который работал раньше на ФБР. Которого я знаю и которому доверяю. Вот так. Кстати, кто ты на этот раз?

– Некий Джон «Джек» Брофи, горный инженер на пенсии, проживающий в Бойсе. Я навел справки о себе: эти ребята проделали действительно хорошую работу. Сегодня такое встретишь нечасто, – ответил Свэггер.

– Программа защиты свидетелей была разработана с целью сохранения жизни осведомителям в стане мафии, дабы те могли начать новую жизнь. Правда, обычно они вновь становятся самими собой. Эта процедура стоит дорого и занимает много времени. Поэтому-то я и не люблю применять ее в отношении кого бы то ни было, если его не зовут Вито¹¹.

– Хорошо, если тебе так больше нравится, зови меня Вито.

– Изложи мне свой план, Вито.

– У меня имеется записная книжка погибшего. Информации из нее можно почерпнуть немного, так как его почерк настолько ужасен, что большую часть записей прочитать просто невозможно. Она содержит расписание его встреч. Знаю точно, куда он ездил, с кем беседо-

¹¹ Намек на Вито Корлеоне, крестного отца мафиозного клана, описанного в романах М. Пьюзо.

вал и о чем. Я пойду по тому же самому пути. Возможно, кто-то попытается разделаться со мной. Тогда что-нибудь и выяснится.

– Боже мой, неужели ты это серьезно? Тебе шестьдесят шесть лет, у тебя уже десять лет не работает бедро, – и ты собираешься выступить в роли приманки? С чего ты взял, что сможешь противостоять профессионалу, который лет на сорок моложе тебя, и при этом остаться в живых?

– Если дело дойдет до оружия, я до сих пор выбиваю девяносто девять из ста.

– Ты вооружен? – спросил Ник.

– Пока нет. Если почувствую, что оказался в чьем-то прицеле, у меня имеется «супер» калибра.38 с тремя обоймами, спрятанный в моей комнате в отеле «Адольфус». Я думаю, если придется стрелять, то через ветровое стекло или дверные панели. Следовательно, понадобятся скорость и сила, а не пространство.

– Эти винтовки рикошетят как сумасшедшие.

– Я знаю. Буду соблюдать осторожность.

– Хорошо. Дам тебе номер телефона, по которому будешь звонить мне каждое утро и сообщать о своем расписании и планах на день. По возможности буду обеспечивать группой поддержки, для пущей уверенности, что у тебя никого нет на хвосте. Если кто-то обнаружится, я позвоню на мобильник, который ты получишь от меня, и мы устроим на него засаду. Я не должен говорить тебе это как друг, но как федеральный служащий – обязан: не надо строить из себя ковбоя. Стреляй только в том случае, если стреляют в тебя или если твоя жизнь подвергается опасности. Мне очень хочется, чтобы дело обошлось вовсе без стрельбы – не потому, что боюсь, что ты промахнешься, а потому, что один из них может застрелить осиротевшего вундеркинда-скрипача по пути в Осло за Нобелевской премией мира. Держи меня в курсе, брат Брофи, иначе я буду вынужден арестовать тебя.

– Я всегда играю по правилам.

– Нет, никогда! Что уже немало поспособствовало моей карьере. Если ты скажешь, что это в конечном счете связано с тайной, которую мы почти раскрыли двадцать лет назад, но которая в последний момент выскользнула из наших рук, – замечательно. Я приму это с осторожностью, как боящийся отправиться на пенсию бюрократ, коим уже давно являюсь. Но я помню: все, что я имею, – это только благодаря той бешеной гонке, которую мы начали в Новом Орлеане. В девяносто третьем я стал звездой Бюро. И никогда не забуду, что ты спас мне жизнь во время этой гонки. Я всегда буду чувствовать себя обязанным тебе и буду рядом в этой последней бешеной гонке, пусть это даже и безумие. Просто... будь осторожен.

– Спасибо, Ник. Держись меня, и мы добьемся, что тебя вернут в Вашингтон.

– Ну да, – сказал Ник. – Скорее всего, в гробу или в наручниках... Так, где первая остановка?

– Вон там, – ответил Боб, дернув плечом в сторону окна в углу седьмого этажа. В сторону снайперского гнезда.

Он заплатил тринадцать с половиной долларов и получил нечто вроде портативного магнитофона с ремешком для ношения на шее. Ему показали кнопку, на которую нужно нажать, когда лифт доставит его на седьмой этаж, дабы аппарат начал воспроизводить комментарии по мере его перемещений по этажу с определенной скоростью и в определенном направлении. Он прекрасно понимал: эта запись была предназначена не для того, чтобы служить гидом для посетителей, большинство из которых прекрасно знали, где они находятся и что видят, а для того, чтобы изолировать их, заставить идти в заданном темпе и воспрепятствовать болтовне, создавая ощущение, будто это святилище.

И оно таковым и было, содержа не останки святого, а останки прошлого. Заваленное пустыми картонными коробками, заброшенное помещение на седьмом этаже, каким оно

являлось сорок девять лет назад, превратилось в музей Джона Кеннеди – зримое свидетельство событий того дня, выдержанное в нейтральном ключе, без негодования и ярости. Бобу не требовались напоминания, поэтому он не стал включать магнитофон и проскользнул сквозь небольшую толпу туристов, стоявших маленькими группками возле каждого из стендов с фотографиями. Маршрут заканчивался у главной достопримечательности.

Свэггер окинул ее взглядом. Добродетельные отцы Далласа решили оградить святыню от ребяческих попыток некоторых не в меру впечатлительных посетителей представить себя Ли Харви Освальдом и прицелиться из воображаемой винтовки с того самого места, в котором тот находился, и из того самого положения, которое тот занимал в момент выстрела. Они установили у окна плексигласовый куб, словно заключив в него, как насекомое в куске янтаря, злой дух из прошлого.

Боб смотрел на груды коробок из-под книг издательства Скотта Форсмэна, расположенных в том самом порядке, в каком их расположил этот чокнутый из Нового Орлеана, соорудив из них нечто вроде маленькой детской крепости. Коробки скрывали его от всех, кто находился на седьмом этаже, и в то же время обеспечивали прекрасный обзор пространства за окном. В молодости Освальд служил в морской пехоте, и там его научили правильно выбирать и оборудовать позицию. Было очевидно, что он не забыл эти уроки.

Свэггер никак не мог определиться с тем, какие чувства должен испытывать. Слишком многие приходили в этот грязный уголок грязного здания и смотрели сквозь грязное окно, чтобы проникнуться ощущением судьбоносности произошедшего здесь некогда события. Боб подошел к окну – не к тому, через которое стрелял Освальд, оно было недоступно из-за плексигласового куба, – а к соседнему, чтобы посмотреть, как близко сходятся две диагонали на улице. Если он не ошибался, самая длинная составляла восемьдесят метров. Выстрел в голову. Меньше ста метров. Дистанция не имела такого значения, как угол прицеливания: он пришел сюда именно ради этих углов. Этот был выходящий, около трех или четырех градусов влево, слегка уменьшающийся с увеличением дистанции, смещавшийся справа влево, но столь же медленно. При наличии современного охотничьего снаряжения и стоящей какою-нибудь сотню долларов оптики «уолмарт», произведенной на китайских заводах вроде «Би-Эс-Эй» или «Таско», сделать подобный выстрел не составляет труда. Устойчивость тщательно сконструированного сооружения из коробок обеспечивала его высокую точность.

В глаза Свэггеру бросилось и кое-что другое. Во-первых, когда огромный лимузин совершал поворот в сто двадцать градусов, он должен был почти остановиться или, по крайней мере, двигаться настолько медленно, что его движение не имело никакого значения для прицеливания. Кроме того, он находился так близко – двадцать пять метров, почти вертикально внизу. Грудь и голова Кеннеди должны быть хорошо видны отсюда. Боб попытался понять, почему Освальд не воспользовался такой возможностью. Вероятно, потому, что тогда ему пришлось бы слишком далеко высунуться из окна. Или потому, что если бы у него была более выгодная позиция, то у полицейских тоже. Хороший стрелок с четырехдюймовым «смит-и-вессоном». 357 или «кольтом». 45 АСР, которыми в те времена была вооружена далласская полиция, мог вытащить пистолет и произвести выстрел в течение секунды. Возможно, Освальд стал бы единственной жертвой в тот день, кому пуля из «смит-и-вессона» агента спецслужб вышибла бы мозги. Возможно, у него затуманился взор, либо он испытал сомнение, приступ страха, чувство сожаления, или утратил решимость, уверенность в себе. Все это могло послужить причиной, но что же все-таки ею послужило?

Свэггер посмотрел вправо. Освальд не произвел этот выстрел. Он позволил автомобилю завернуть за угол и скрыться за шеренгой дубов, после чего стрелял сквозь них. Почему он совершил такую глупость? Был ли он идиотом, безнадежным неудачником, или его просто охватила паника?

Затем Свэггер бросил взгляд на первый знак X на Элм-стрит, куда попала вторая пуля Освальда, после первого промаха. По всей вероятности, это была его лучшая возможность, но он упустил и ее – по крайней мере, в том смысле, что попал не в голову, а в верхнюю часть спины, под шею. Да, только что произошла отдача, но цель находилась всего в шестидесяти метрах внизу и под углом, под которым она не выглядела перемещавшейся в пространстве слишком быстро. Можно считать, что он промахнулся и, с учетом отсутствия видимой реакции президента на выстрел, мог решить, что совершил абсолютный промах. Тем не менее напрашивается мысль, что если он намеревался попасть в голову, то обязательно попал бы в нее с первого раза, даже с большого расстояния, когда она представляла бы собой меньшую по размерам цель. Он же попал в нее только с третьего раза. Никакие сомнения, никакие сожаления, никакие страдания, никакие силы не способны отменить тот факт, что пуля калибра 6,5 мм поразила Джона Кеннеди в голову в 12.30 22 ноября 1963 года и потрясла мир жестокой реальностью расколотого черепа, дымящегося мозга, предсмертных конвульсий.

«Мог ли Освальд произвести этот выстрел?» – размышлял Боб. Вопрос отнюдь не абстрактный. Он мог обладать необходимыми навыками, но они зависели от типа использовавшегося им оружия и конкретных обстоятельств. Парень был полным ничтожеством, стрелявшим в президента Соединенных Штатов в спешке, используя незнакомое ему оружие – его обучали стрельбе из старой полуавтоматической винтовки «М1 Гаранд», как и Боба, – и у него в организме наверняка произошел мощный выброс адреналина. Следует также учитывать охотничью лихорадку и явный дефицит кислорода. И все же он выстрелил.

Это легкий выстрел. Боб мог бы выполнить его экспромтом, как и любой из дюжины снайперов, которых он знал. И что с того? Вопрос заключался в следующем: мог ли этот подонок, с его ненавистью, ожесточением и бредовыми политическими взглядами, с его ничемностью и длительной историей неудач произвести тот самый выстрел, в тот самый день, в то самое время?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать характеристики и возможности винтовки. Свэггер обернулся, и, словно по волшебству, перед ним предстал карабин «С2766 Манлихер Каркано», модель 1938, изготовленный в Терни, Италия, в 1941 году неизвестным механиком. «Оружейным кузнецом» – было бы слишком громко сказано. Дрянной четырехкратный прицел из Японии, еще не успевшей вырастить своего послевоенного гения оптики, располагался в держателе из медно-свинцового сплава, который крепился на двух винтах вместо четырех. Его изображение предстало перед глазами Боба на фотографии в натуральную величину, висевшей в паре метров от него. Он подошел к ней и внимательно ее рассмотрел.

Судебные эксперты-баллистики ФБР тщательно исследовали карабин, но Боб, изучив их заключение, нашел его несколько сомнительным. Агент Фрэзиер пользовался в Бюро репутацией крупного специалиста по оружию, но Свэггер знал, что он специализировался в стрельбе по крупным, неподвижным мишеням на больших дистанциях из служебных винтовок через открытые прицелы. Он обладал такими навыками, как выносливость, тонкое чувство ветра, контроль над спусковым крючком и нервной системой. Но не был хорошо знаком с телескопическим прицелом и высокоточной стрельбой. Мантра снайпера – один выстрел, один убитый – ему чужда. Хотя его свидетельства в определенных областях представлялись не вполне убедительными, Свэггер решил познакомиться с ними более тщательно на следующий день.

На фотографии винтовка, во всем блеске своего двухмерного изображения, выглядела так, как если бы принадлежала восьмилетнему оловянному солдатику в кителе из красного папье-маше – юной версии Щелкунчика. Он появился на сцене, когда Никки переживала свою балетную стадию и еще помнила мальчиков с негнушимися ногами и нарисованными на щеках красными кругами, в высоких псевдогусарских киверах из картона. Такой миниатюрной и причудливой казалась эта винтовка. Она совсем не напоминала боевое оружие.

Как и многим другим, изготовленным в странах Средиземноморья, ей не доставало серьезности и внушительности. Из нее едва ли можно точно поразить цель на расстоянии полтора километра, а прикрепленным к ней штыком вряд ли можно было выпустить кишки человеку, что под силу винтовкам «маузер», «спрингфилд», «ли-энфилд». Ее можно было бы использовать для охоты на кроликов вследствие небольшого калибра: максимум.264 в эпоху, предшествовавшую появлению высокоскоростного пороха, но не.30 с его тоннами дульной энергии.

Баллистические свойства не производили большого впечатления. Боб рассмотрел штампованный медно-свинцовый держатель прицела, хорошо видный на фотографии, и заметил два пустых отверстия для винтов, предназначенные для крепления прицела на винтовке. Какое влияние могло оказать их отсутствие на события того дня? Как долго могли эти винты жестко удерживать прицел, если они вообще когда-нибудь затягивались? Каковы последствия неплотного крепления прицела, который произвольно менял свое положение после каждого выстрела, что негативно сказывалось на точности? Все хорошие стрелки плотно затягивают крепежные винты, прежде чем приступить к стрельбе.

Сделал ли это Освальд? Знал ли он о необходимости этой меры? В Корпусе морской пехоты его не учили пользоваться оптическим прицелом, он был знаком лишь с системой крепления пип-сайта винтовки М1 – блестящим механическим устройством той эпохи. Знал ли Освальд концепцию регулировки прицела? Был ли этот прицел отрегулирован? Было ли потом восстановлено его положение? Все эти вопросы требовали ответов, и только после этого можно вынести вердикт по поводу возможностей данной конкретной винтовки.

Если именно из нее были произведены роковые выстрелы, он должен узнать о ней как можно больше. Боб решил приобрести эту модель – они продавались всюду и стоили не больше трех сотен. Мог ли он изучить отдачу? Мог ли он быстро найти цель через этот маленький четырехкратный и не очень чистый прицел? Могла ли винтовка сохранять точность прицела на протяжении серии выстрелов? Мог ли этот импровизированный ремень улучшить точность прицела, если это действительно Освальд, имевший опыт обращения с ружейным ремнем со времени службы в морской пехоте, приспособил его при подготовке к стрельбе? Все это требовалось выяснить.

Свэггер устал от этого места. Ничего особенного, никакой эмоциональной реакции на иностранных туристов, резвившихся детей, приезжих из Огайо нелепого вида. Просто пришло время отправляться восвояси.

Рядом с оживленной улицей, в самом центре города, высился поросший травой холм. В его склон было встроено некое подобие античного храма, свидетельствовавшее о том, что когда-то в Америке отдавали дань древнегреческой модели государственного устройства. Правда, сегодня это походило на декорации к фильму о Древнем Риме, и при виде ее возникало ощущение, что вот-вот появятся люди в тогах.

Свэггер стоял на вершине холма, у расположенных по окружности колонн, и старался не думать о тогах. Он определял углы. Всего метрах в двадцати под ним по Элм-стрит автомобили мчались к тройной эстакаде. Травянистый склон сбегал прямо к обочине. Улица перетекала в Стеммонс-фривэй, а еще дальше простиралось напоминавшее поверхность бильярдного стола зеленое поле Дили-Плаза.

Лучшую позицию для стрельбы трудно найти. Группа профессиональных киллеров, не имевших доступа в здание строительной компании Ти-Би-Ди, маячившее слева, за несколькими тонкими деревцами, наверняка выбрала бы это место. Они вполне могли пронести сюда автоматы времен Второй мировой войны – «томпсоны», «шмайссеры»¹², коими Аме-

¹² «Шмайссерами» на Западе (а также и в СССР) назывались немецкие пистолеты-пулеметы MP-40 и MP-42 – впрочем,

рика изобиловала в 1963 году, – и устроить настоящую бойню, в которой едва ли кто-нибудь выжил. Потом могли бы огнем проложить себе путь отхода, но им вряд ли удалось бы прорваться за ближайший блокпост в нескольких километрах от центра города, где они неминуемо попали бы под ливень пуль подоспевшей полиции.

А если стрелок один, и он знал, что необходимо поразить цель первым выстрелом, причем произвести его одновременно с одним из неуверенных выстрелов этого ничтожества Освальда, который непременно промахнулся бы? У него был бы угол обзора девяносто градусов, и он мог бы уверенно попасть в пассажира автомобиля, двигавшегося с неизвестной для него, возможно, непостоянной скоростью. Сидевший за рулем агент спецслужб непременно нажал бы на акселератор в потенциальной зоне обстрела, чтобы как можно быстрее покинуть ее. Какое преимущество могло быть достигнуто за счет использования такой схемы?

Освальд не мог играть главную роль. Ему пришлось бы потратить массу времени, чтобы добиться высокой скорости и точности стрельбы из винтовки, учась стрелять по тарелочкам. Приобретение навыков быстроты реакции и меткости в этом очень сложном виде стрельбы требует от новичка многомесячных тренировок. Некоторые люди достигают в овладении этим искусством поразительных успехов. Их мозг, функционирующий, словно компьютер, раз за разом мгновенно соотносит угол отклонения с перемещением мишени и точно определяет момент нажатия на спусковой крючок. Кое-кто способен стрелять подобным образом с бедра, либо поворачиваясь назад, либо наклоняясь назад, либо между ног. Это столь редкий дар, что его обладатели становятся артистами, а не наемными убийцами.

Но при скоростной стрельбе череда пуль рассеивается по мере увеличения расстояния, поэтому дистанция имеет большое значение. Пуля с неровной поверхностью, попавшая в край тарелки, способна легко разбить ее, точно так же, как несколько пуль, попавших в середину. Стрелок на холме использовал бы не автоматическую винтовку, а обычную. Боб знал, что большинство «теоретиков» полагали, будто это был легкий карабин М1, возможно, использовавшийся одним корсиканским мафиози, но сам он считал, что речь идет о винтовке калибра.22 с повышенной точностью стрельбы, вроде помпового «винчестера», из которого великий Херб Парсонс в пятидесятых годах за два дня поразил двадцать тысяч кубиков, подброшенных в воздух. Скорострельная винтовка.22 могла быть достаточно скорострельной для того, чтобы причинить немалый ущерб с этой позиции... а могла и не быть. Кто это может знать? И пуля, в металлургическом плане, настолько сильно отличалась бы от пули «манлихер-каркано», что по результатам изучения материалов ее оболочки и сердечника любой судебный эксперт очень быстро раскрыл бы секрет второй винтовки, опровергнув тем самым маскировочную версию «одиночного стрелка».

«Я пришел сюда, чтобы найти ответы, – думал Свэггер, – а вместо этого сталкиваюсь с все новыми и новыми вопросами».

Ковыляя, он с трудом спустился по склону и остановился на обочине, в каких-нибудь двух метрах от знака X, отмечающего местоположение автомобиля в тот момент, когда голову президента поразила третья пуля. Он видел его столько раз, что не испытал никаких эмоций, но вдруг вспомнил звук пули, поражающей человеческую голову, который ему доводилось слышать не раз. Он не хотел этого, но память, помимо воли, неожиданно воспроизвела этот звук из его полузабытого жестокого прошлого, напоминавший удар бейсбольной биты о грейпфрут, после которого плод разлетается ошметками мякоти и брызгами сока. В воздухе оставалось облачко пара из мелких частиц мозга, достаточно плотное для того, чтобы его смогла зафиксировать кинокамера Запрудера до того, как оно рассеялось, когда автомобиль с расстрелянным президентом умчался в больницу.

Свэггер потряс головой. Он не ожидал, что вновь переживет этот ужасный момент. Срочно требовалось очистить сознание. Он устремил взгляд вдоль Элм-стрит на куб здания Книгохранилища с разными по размеру окнами, на арку и площадь, на которой ныне отсутствовала безвкусная эмблема фирмы по прокату автомобилей «Герц», присутствовавшая в 1963 году. Окно Ли Харви Освальда находилось в девяноста метрах от него и в двадцати метрах над поверхностью земли. Но Боб увидел кое-что еще. Дождавшись, когда светофор загорится зеленым, он преодолел два метра до знака Х и обернулся.

Перед ним высилось здание. Оно тоже представляло собой кирпичную коробку и располагалось напротив Книгохранилища через Хьюстон-стрит. Если смотреть отсюда, его окно на седьмом этаже находилось всего в нескольких метрах справа от гнезда Освальда. Из него тоже открывался прекрасный обзор пролегающей внизу улицы. Этим зданием был «Дал-Текс».

Поскольку писатель Эптэптон провел там полдня, Свэггер посетил зал местной истории Далласской публичной библиотеки на Янг-стрит, расположенной в нескольких кварталах от его отеля. Здание библиотеки, стилистически соответствовавшее находившемуся напротив муниципалитету, напоминало останки рухнувшего на землю космического корабля. Оно представляло собой перевернутую пирамиду с широкими и глубокими окнами. Это был типичный образчик архитектуры семидесятых.

Зал местной истории выглядел приятнее большинства других залов, а молодая женщина за стойкой воплощала обаяние. Заглянув в записную книжку Джеймса Эптэптона, Свэггер сказал ей, что хотел бы посмотреть «Далласские желтые страницы» начиная с 1963 года. Меньше чем через минуту он уже сидел за столом с копиями.

По всей вероятности, с точки зрения серьезного расследования это было бесполезно. Но Боб понял, что писатель использовал материалы для воссоздания атмосферы города в 1963 году. Очевидно, ему помогало в поисках знание того, как назывались транспортные компании, куда жители Далласа сдавали в химчистку свою одежду, где они фотографировались, где покупали холодильники и одежду. Телефонный номер Книгохранилища тогда был RI-7—35-21, а список церквей занимал восемь страниц. И только всего один стриптиз-клуб – «Карусель» Джека Руби, находившийся «недалеко от отеля «Адольфус». Свэггер узнал, что отведать блюда мексиканской кухни можно в ресторане «Эль Феникс», приобрести алкогольные напитки – в магазинах мистера Сигела. Остановиться – в отелях «Мэйфэр», «Кабана» или «Адольфус», выпить – в барах «Табу Рум», «Стар Бар» или «Лэйзи Хорс Лаундж», купить патроны для винтовки – в «Кетчем энд Каллэм» на Клейст-стрит в районе Оук-Клифф или «Уолдс», купить книги – в «Норт Даллас Бук Сентер», послушать музыку – в «КВОХ», «КJET» или «KNOCK». Да, кто-то, возможно, и нашел бы все это интересным, но Свэггер очень скоро заскучал. Он шел по следу писателя, побуждаемый исключительно силой воли.

Выйдя из здания библиотеки, Боб остановил такси. Водитель-афроамериканец располагал маленьким волшебным ящичком, указывавшим маршрут, с помощью которого очень быстро доставил клиента по адресу Северный Беркли, 1026, в районе Оук-Клифф. Это место значилось в записной книжке Эптэптона. И Свэггер знал, что в течение полутора месяцев перед убийством Кеннеди Освальд снимал жилье в этом доме.

Писатель наверняка приезжал сюда, чтобы увидеть этот деревянный сарай под деревьями с неряшливым двором, выходящим на бульвар Занг, и с мансардной крышей, закрывавшей то, что должно быть небольшим верхним этажом. Очевидно, он был больше, чем выглядел с Норт-Беркли-стрит. В нем имелось множество маленьких комнат, в одной из которых жил молодой киллер. Ничто не свидетельствовало о его особом месте в истории. Он стоял среди других гниющих деревянных домов, постепенно сползая в состояние ветхости. Для Свэггера он не содержал никаких тайн.

Боб велел водителю ехать дальше по Норт-Беркли к Десятой улице, ибо по этому маршруту Освальд проследовал в последний раз в качестве свободного человека. Казалось, он ехал по Норт-Беркли-стрит без всякой цели, затем свернул на Кроули, а с нее – уже на Десятую. Когда они подъехали ко второму повороту, оказалось, что повернуть здесь не удастся, и им пришлось объезжать кругом церковную парковочную площадку, загораживавшую проезд. Они очутились на темной улице, где Освальд столкнулся с офицером полиции, прямо перед пересечением Десятой с Паттон-стрит. Здесь прогремели три из четырех выстрелов Освальда, все оказавшиеся смертельными. На месте гибели Дж. Д. Типпита, среди ветшавших бунгало и нестриженных газонов, не было никакой таблички. Тишину нарушал лишь шелест листьев, которые гнал по земле упрямый техасский ветер. Атмосфера была пропитана ощущением несправедливости.

Затем на главной улице района Оук-Клифф, называемой Джефферсон-стрит, у ряда невысоких зданий магазинов, окружавших Техасский театр, прозвучал еще один выстрел. Театр сохранился до сих пор, все еще назывался Техасским и был узнаваемым благодаря миллиону репродукций, посвященных выстрелам, произведенным в 14.30 22 ноября 1963 года из тупонозого.38 «спешл» угрюмым молодым человеком, которого скрутили полицейские, поставив ему при этом синяк. Ему повезло, что он не получил пулю калибра 0.357, поскольку в те времена полицейские Далласа не больно церемонились с убийцами своих коллег.

Театр тоже не произвел на Свэггера особого впечатления. Архитектурный стиль и декоративные элементы старого здания традиционны для тридцатых годов, а испанский шатер свидетельствовал, что им завладела новая волна наследников.

Свэггер сказал водителю, чтобы тот возвращался в «Адольфус», поскольку, к счастью, наступила пора дневного сна.

Он так и не уснул. Даже после того, как задернул шторы. Слишком много мыслей теснилось в голове.

Теория заговора. Второй стрелок. Третий стрелок. Триангуляция огня. Материалы Оливера Стоуна. Как можно вообще думать об этом деле, когда оно обросло таким количеством дерьма? Цель не видна, слишком много камуфляжа. Правда, перемешанная с ложью и откровенным безумием. И чего тут только нет – Кастро, ЦРУ, противоречия внутри правительства, трехсторонняя комиссия...

Он сказал себе: «Думай. Напряги мозги. Сосредоточься».

Мог ли быть второй стрелок где-нибудь на Дили-Плаза? Нет никаких оснований для отрицания возможности того, что он занял позицию на здании компании «Ти-Би-Ди» или на одном из других зданий, окружающих площадь, – «Дал-Текс», «Рекордс билдинг» или даже здании Уголовного суда.

Но... что я упускаю из вида? Что?

У него ничего не было. Затем что-то появилось.

Большинство, если не все, приверженцы версии стрельбы с травянистого холма, не утруждали себя поиском достоверных доказательств и исходили из необоснованных предположений. Некоторые из них полагали, будто о том, что произошло 22 ноября 1963 года, было известно заранее. Это неправда. Нужно абстрагироваться от всей этой чуши и сконцентрироваться на том, что было известно на день 22 ноября, а не после него. Многие из них неспособны на это.

Следовало учитывать один непреложный факт: найдена лишь одна пуля, которая могла причинить смерть Джону Кеннеди. То есть имело место то, что называется аномалией. Свэггер знал из собственного опыта, что они присущи многим случаям стрельбы: то, что нельзя

предсказать, невозможно ожидать. И все же это случалось, поскольку реальность не заботится о том, что думают или ждут люди.

Никакой здравомыслящий организатор покушения не мог предполагать, что будет найдена только одна пуля, WC399, которая впоследствии стала известна как «волшебная пуля». Любой организатор покушения с использованием нескольких стрелков, то есть группы на травянистом холме, должен предполагать, что выпущенные ими пули тоже будут найдены. Такой вариант наиболее вероятен. Если так, зачем нужно использовать Ли Харви Освальда в качестве «козла отпущения»? Почему нельзя выполнить работу без всяких уловок и скрыться? Почему нельзя использовать автоматическое или полуавтоматическое оружие и изрешетить цель вместо того, чтобы производить три отдельных выстрела с интервалом в несколько секунд?

Хороший стрелок с «томпсоном» на травянистом холме мог бы уложить всех находившихся в том автомобиле в течение двух секунд. Единственное объяснение того, почему с холма произвели единственный выстрел, состояло в том, что организатору покушения было необходимо засветить операцию прикрытия и выдать Освальда за настоящего убийцу. Зачем нужно делать это, если пуля, которая, по его предположению, будет найдена, очень скоро выдала бы этот план? Версия, будто Освальд был единственным стрелком, просуществовала бы до того момента, когда судмедэксперт извлек бы пулю из головы Джона Кеннеди, левого плеча миссис Кеннеди, легкого Джона Конналли или обивки сиденья лимузина.

Любой «сценарий другого стрелка» без какой бы то ни было баллистической фальсификации, обосновывающей то, что в действительности произошло с винтовкой «манлихер-каркано» Освальда, выглядел бы в высшей степени несостоятельным. Удивительно, что такая версия не была высмеяна сразу, как только появилась, хотя никто из представителей прессы не разбирался до такой степени в баллистике, чтобы кто-то из них мог заметить эту несостоятельность.

Свэггер откинулся на спинку кресла. Это уже кое-что. Он рассмотрел эту идею с тысячи разных точек зрения и не нашел никаких изъянов. Всё в порядке.

Прогресс? Возможно, небольшой.

Итак, планы на завтра. Он достал записную книжку Эптэптона и нашел запись: «Национальный институт расследования убийства, 2805 Н. Креншоу».

Глава 04

Как это часто случается с учреждениями, носящими громкие названия, Национальный институт расследования убийства размещался в подвале одноэтажного ветхого, обшарпанного дома, давно не знавшего даже косметического ремонта, еще в одном районе Далласа, застроенном довоенными бунгало. Казалось, небоскребы Нового Далласа из стекла и стали находятся где-то очень далеко от этих трущоб.

Когда Свэггер прошел через ворота в ограде и ступил на дорожку, заваленную сырыми листьями, ему в глаза бросилась табличка с надписью «Книжный магазин в задней части здания». Он вошел в дверь дома и нашел лестницу, ведущую вниз. Через несколько ступенек оказалась еще одна дверь, на которой висела еще табличка, с надписью «Звоните в звонок», что он и сделал.

– Входите, открыто, – раздался голос из-за двери.

Он вошел в комнату, сплошь заставленную книжными полками, скрипевшими и стокавшими от тяжелого бремени тысяч лежавших на них страниц. Спертый воздух был насыщен запахом, типичным для подвальных помещений. Полки несли на себе указатели со сделанными от руки надписями: ЦРУ, РОССИЯ, Л.Х.О. РАННИЙ, Л.Х.О. ПОЗДНИЙ, КОМИССИЯ УОРРЕНА ЗА, КОМИССИЯ УОРРЕНА ПРОТИВ, ДОКУМЕНТЫ, ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ, ФБР, ДЖЕК РУБИ и так далее. Боб попытался отыскать указатель ДАЛ-ТЕКС, но таковой отсутствовал. Он немного походил между полками, время от времени вытаскивая с них папки с измочаленными листами, на которых излагались различные теории заговора, обвинявшие в убийстве Кеннеди мафию, КГБ, Кастро, представителей военно-промышленного комплекса, нефтяных магнатов, крайних правых. Ни одна из них не представляла особого интереса. Чем больше он читал подобные материалы, тем в большей степени утрачивал ясность сознания, а также способность мыслить логически и отличать одно от другого.

Разве можно разобраться, что в этом потоке информации достойно доверия, а что подлежит сомнению? Слишком много заявлений, утверждений, спекуляций и лжи, нацеленной на извлечение той или иной выгоды. Впечатление такое, будто вырвавшийся из сумасшедшего дома вирус паранойи заражает всех, кто вступает с ним в контакт.

– Добрый день! – послышался голос. – Извините, был занят. Могу я чем-нибудь помочь?

К нему обращался худой долговязый мужчина лет сорока пяти с копной светлых волос, похожий на ученого с подорванным здоровьем. Его очки на эластичном шнурке были сдвинуты на лоб. Явно несвежая зеленая водолазка под твидовым пиджаком с проеденными молью дырками на лацканах. На впалых щеках отчетливо виднелась суточная щетина. Он улыбнулся, констатируя факт, что ему нигде не удалось найти полоски для отбеливания зубов, и протянул ладонь с длинными пальцами. Боб пожал ее, обнаружив, как он и ожидал, что она влажная, и улыбнулся в ответ.

– Дело в том, что в моей голове как будто поселился жучок, который без умолку твердит: «Дал-Текс, Дал-Текс». Если был второй стрелок, он мог находиться только там – с учетом целого ряда факторов. Я подумал, возможно, у вас имеются соответствующие материалы.

– Так, – задумчиво произнес директор института. – Очень интересно.

– Я стоял на отметке X на Элм-стрит и не мог не заметить, насколько близка его траектория к Гнезду Снайпера.

– Согласен. Очень многие находят это удивительным.

– Я недавно занимаюсь всем этим, поэтому извините мое невежество. Наверное, этот вопрос уже изучен вдоль и поперек, и я не хочу впустую тратить время на выяснение того, что уже кто-то выяснил до меня в 1979 году.

– Я не виню вас, друг мой, – сказал мужчина, непринужденно присев на стол и сложив руки на груди, – особенно теперь. С приближением пятидесятой годовщины мы ожидаем большой всплеск интереса и внимания. Похоже, не один Стивен Кинг работает над книгой об убийстве Кеннеди. В последнее время многие зашевелились.

– Я не писатель, – сказал Боб. – Бог свидетель, не смогу связать двух слов, даже если от этого будет зависеть моя жизнь. В этом деле меня занимает исключительно его загадочность, и мне очень хочется разрешить эту загадку.

– Слушаю вас, – сказал мужчина. – Меня зовут Ричард Монк. Я являюсь заведующим и одновременно вахтером Национального института расследования убийства. А также клерком, бухгалтером и разнорабочим. Чертовски престижное служебное положение.

Боб вытащил бумажник, вынул из него карточку и протянул мужчине.

Джон П. Брофи (доктор философии)
(Национальная ассоциация профессиональных инженеров)
«Джек»
Горный инженер (в отставке)
Бойсе, шт. Айдахо

– Всю жизнь рыл ямы по всему свету, – сказал он. – Однажды, когда я жил в палатке в Эквадоре, мне вдруг стало скучно. Начал читать – и читал все время, когда не рыл ямы, не спал, не пил и не распутничал. Года три назад обнаружил, что у меня скопилось пять или шесть миллионов книг, и вышел на пенсию. Я здорово подсел на тему убийства Джона Кеннеди и принялся изучать это дело. Мне уже кажется, что занимаюсь этим всю жизнь. Каждую неделю я заходил на ваш сайт, чтобы узнать новости. В конце концов у меня появились собственные идеи, и я решил приехать в Даллас и проверить, имеют ли они что-нибудь общее с реальностью.

– Стало быть, вас интересует «Дал-Текс»... Я могу свести вас с парочкой больших поклонников этой версии.

– Очень хорошо, – сказал Боб. – Но я стараюсь соблюдать осторожность...

– Понимаю. У вас имеется своя версия, это ваша интеллектуальная собственность, вы не хотите предавать ее гласности. Все мы таковы. Жаждем поделиться своими знаниями и боимся, как бы у нас их не украли. Все будет нормально, не беспокойтесь.

– Вы знаете всех и вся?

– Я собаку съел на убийстве Кеннеди, – со смехом сказал Ричард. – Живу и дышу этим, Джек. И имею несчастье обладать фотографической памятью. Стоит мне что-то прочесть, и это навсегда запечатлевается в моем сознании. Или, по крайней мере, надолго. Возможно, вскоре наступит такой момент, когда от очередного факта моя голова просто взорвется.

Свэггер рассмеялся. Ричард Монк был занятым парнем, пусть и немного странным, и не проявлял болезненную подозрительность, свойственную очень многим членам «сообщества исследователей убийства».

– Если обойтись без церемоний, каково сейчас положение дел с «Дал-Текс»?

– Некоторое время его владельцы великодушно разрешали проводить исследования в здании, при условии предварительной договоренности. Недавно их политика претерпела изменения. Подозреваю, это связано с приближением пятидесятилетия и усилением ажиотажа. Они стараются сдать в аренду как можно больше офисных помещений. Я знаком с менеджером здания и могу организовать для вас визит туда.

– Это было бы замечательно.

– Говоря откровенно, не стоит ожидать слишком многого от этого посещения. После 1963 года дом дважды подвергался реконструкции. Теперь это современное шикарное здание вроде тех, которыми застроен Гринвич-Виллидж. Они даже встроили атриум, поднимающийся по центру на всю высоту, как в «Брэдбери билдинг» в Лос-Анджелесе. Так что всякие связи с 1963 годом оборваны.

– Ну, хотя бы окна остались там, где были?

– Это да, – сказал Ричард. – И вы, конечно, удостоверитесь в том, что расположение некоторых из них почти идеально соответствует углу и траектории выстрела в голову, якобы произведенного Л.Х.О. в тот день.

– Отлично. Видите ли, я заинтересовался этой историей из-за оружия, поскольку очень люблю стрелять. Охотился гораздо больше, нежели распутничал, пил и жалел себя, и много раз видел, как умирают животные, а также люди, получив мощную и даже, верите или нет, не очень мощную пулю калибра 6,5 мм. Я много занимался оружием и баллистикой и сейчас хочу разобраться, что же в действительности могло произойти в тот день.

– Понял. Очень хорошо, что вы подошли к делу без предубеждения вроде «это наверняка дело рук ЦРУ» или «это наверняка дело рук нефтяных магнатов», так как это искажает видение.

– Совершенно с вами согласен.

– Знаете что, Джек? Снайпер из меня очень плохой. Я перебиваюсь благодаря торговле по почтовым заказам. Без Интернета мне пришлось бы жить на майорскую пенсию от «Биг Грин».

– Армия?

– Разведка. Двадцать лет, преимущественно в Германии. Я вот думаю, не поужинать ли нам вместе? По-моему, нам есть о чем поговорить. Как вы на это смотрите?

– Только если расходы возьму на себя я.

– Прекрасно. Это превзошло мои ожидания. Где вы остановились? Я хотя бы заеду за вами.

– В «Адольфусе».

– О, тогда «Французский Зал». – По тону Ричарда Свэггер догадался, что это шутка, поскольку был назван дорогой роскошный ресторан при его отеле, отделанный в декадентском стиле. – А если серьезно, пройдем один квартал в сторону Мейн-стрит, затем по Мейн-стрит, и там будет великолепное мексиканское заведение под названием «Соль Ирландес».

– Договорились, – сказал Свэггер.

– Тогда в восемь.

– Замечательно. – Ричард сделал большой глоток пива «Текате». – Я не взял с собой никаких материалов, потому что все у меня в голове. Но когда вы вернетесь домой, я отправлю вам все фотографии и примечания к ним. Если хотите, могу переслать их по электронной почте.

– Отлично, – сказал Свэггер.

– А между тем позвоню Дэйву Эронсу, который заведует зданием от имени его владельцев, «Гэлакси кэпитал лимитед». Дэйв – нормальный парень. Скажу ему, что вы мой старый друг, достойный абсолютного доверия, и он все организует. Он просто не любит осаждающих здание лунатиков в станиолевых шляпах.

– Я оставил свою в Бойсе.

Зал ресторана заполнял мерный гул голосов посетителей. Судя по всему, это место пользовалось популярностью – возможно, потому, что сальса здесь была хороша. Свэггер прихлебывал диетическую кока-колу.

– Кстати, они всячески преуменьшают свою связь с убийством, хотя и открыли посвященный ему сувенирный магазин рядом со зданием, на углу Хьюстон-стрит и Элм-стрит.

– Я обратил на него внимание, но не заходил, – сказал Боб.

– Теперь они называют его «501, Элм-стрит», а не «Дал-Текс».

– В этом есть определенный смысл.

– Думаю, хороший маркетинговый ход. В настоящее время «Дал-Текс» фигурирует по меньшей мере в тридцати восьми из двухсот шестидесяти пяти официально признанных конспирологических версий. Оно обеспечивает нужные углы, и, как вы увидите, доступ в него и пути отхода были в то время более или менее легкими. Закрывалось здание поздно, и группа стрелков могла беспрепятственно покинуть его. Но вам, вероятно, известно, что Баглиози и Познер¹³, два известных последователя версии Комиссии Уоррена, которые изучали все эти версии, даже не потрудились опровергнуть их. Такая операция потребовала бы немалой смелости: войти в общественное здание, проникнуть в офисное помещение, застрелить президента и выйти, насвистывая «Дикси», за десять секунд до появления полиции. Смелости и удачи. Между прочим, в здании в то время работали больше двухсот человек.

– Наверное, большинство из них находилось на Дили-Плаза, подобно мистеру Запрудеру?

– Там всегда околачиваются какие-нибудь ребята.

– Может быть, они были переодеты.

– Возможно. Но в кого? В гигантские браслеты с брелоками? Незнакомцы, в кого бы они ни переоделись, не способны внушить доверие.

– Гигантские браслеты с брелоками?

– Извините, это из фильма Вуди Аллена. Жалко, что вы его не любите.

– Должно быть, я пропустил его, – сказал Свэггер. – Маскировка могла носить длительный характер. Группа сняла офисное помещение и после убийства оставалась там еще полгода, пока не закончился срок аренды... Хотя нет, подождите, черт возьми, ведь маршрут проезда президента не был известен до двадцатого числа!

– Это дает вам возможность разработать грандиозную версию о том, как некая злая сила проникла в правительство и организовала заранее все так, как ей нужно.

– Я инженер и не верю в грандиозные планы, поскольку зарабатывал деньги тем, что исправлял последствия их осуществления. Поверьте мне, ни один грандиозный план не выдерживает столкновения с реальностью.

– Вы говорите как военный, Джек. Я служил в армии двадцать лет и видел, как они осуществляются.

– Я служил в морской пехоте...

– Во Вьетнаме? – перебил Ричард. – Потому и хромаете?

– Нет, в Эквадоре. Там я кое-чему научился. С точки зрения инженерного дела план – это ряд предположений или диаграмм, которые неверны или неосуществимы. Все влияет на все, все меняется, и вы оказываетесь там, где никогда не предполагали оказаться.

– Согласен.

– И все же, черт возьми, расположение этих шести окон позволяет произвести выстрел в голову президента из любого из них. Это весьма привлекательный факт для теории заговора.

– В самом деле. Говорите, вы разбираетесь в баллистике?

– Да. Мне кажется, я понял, каким образом могла быть задействована еще одна винтовка, но никаких доказательств у меня нет.

¹³ Винсент Баглиози и Джеральд Познер – известные американские журналисты, занимавшиеся делом об убийстве Джона Кеннеди.

– Очаровательно. Но не говорите мне, иначе завтра будете кусать локти от злости на себя.

– Я и не собирался. «Интеллектуальная собственность», как вы говорите. Для горного инженера мир ограничивается правами на добычу полезных ископаемых. То, что я выяснил, не дает мне покоя.

– Замечательно. К сожалению, ничего не смыслю в оружии, так что все равно не смог бы оценить это.

– При проведении расследования этого убийства была совершена традиционная ошибка, – сказал Боб, отхлебнув немного кока-колы. – Слишком много заключений об оружии, вынесенных людьми, ни черта в нем не смыслившими. Потрачена впустую уйма времени.

– Я скажу вам, почему. Это слишком масштабное дело. Для того чтобы вникнуть в его суть и сделать правильные предположения, нужно обладать опытом в очень многих областях. Врачи ничего не знают об оружии, специалисты по оружию ничего не знают о мафии, мафиози ничего не знают о ЦРУ, люди из ЦРУ ничего не знают о кубинцах. Рано или поздно наступает момент, когда вы делаете предположение о том, о чем ничего не знаете, и в результате получается ерунда.

– Позвольте задать вам вопрос, Ричард, – сказал Боб. – У вас имеется собственная версия?

– Моя беда в том, что я слишком много знаю. И уже не могу выносить суждения – во всем вижу изъяны и противоречия. Я мог бы в течение двадцати минут рассуждать о металлургическом анализе фрагментов пули, найденной на полу лимузина, или о версии второго стрелка. Но у меня нет своего мнения, и я не могу встать на чью-либо сторону и сказать, кто прав, а кто нет. Как я могу судить об этом? Мне бы хотелось забыть кое-что из того, что знаю, но это невозможно, и в этом мое проклятие. С другой стороны, благодаря этому я хороший аналитик, и это помогает мне в работе.

– Понятно.

– Поскольку вы платите, не возражаете, если я закажу еще пива?

– Разумеется.

– Поделюсь с вами одной версией, которая объясняет все. Я мог разработать ее сам, мог от кого-то услышать. Не знаю. Она просто однажды появилась в моем сознании. Возможно, ее внедрил туда Бог. Она учитывает каждый нюанс, каждую непоследовательность и путаницу в показаниях свидетелей – буквально все. Существует лишь одна проблема: как только я поделюсь ею с вами, мне придется вас убить.

«Куда это он клонит?» – подумал Свэггер.

– Я не собираюсь слишком долго задерживаться на этом свете, поэтому можете рассказывать.

– Сделайте мне одно одолжение. Не перебивайте, когда я говорю что-то не согласующееся с тем, что мы, словно в насмешку, называем «историей». В конце все станет ясно.

– Я вас внимательно слушаю.

– Двадцать второго ноября 1963 года, – начал Ричард, – чокнутый марксист, неудачник по имени Ли Харви Освальд, по причинам слишком банальным, чтобы в них можно поверить, произвел три выстрела в президента Соединенных Штатов, который по чистой случайности проезжал под окном его офиса. Первый не достиг цели, потому что Освальд был идиотом. Второй выстрел поразил Кеннеди в верхнюю часть спины, под шею. Пуля прошла через его тело, отклонившись вследствие мощности шейной мускулатуры президента, впиалась в спину губернатора Конналли, пронзила его запястье и наконец ударилась в бедро. Третий выстрел Освальда не достиг цели, потому что он был идиотом. Освальд не заслуживает внимания, но уделим его персоне немного времени. Его охватила паника, он бросился вниз

и столкнулся с офицером полиции по имени Марион Бейкер, который приказал ему остановиться. Не подчинившись этому приказу, он пронесся мимо и выбежал из дверей Техасского книгохранилища. Бейкер выхватил пистолет и выстрелил. Освальду настал конец. Главное в нашей истории – то, что случилось с Кеннеди. Его водитель, агент спецслужб, меньше чем через пять минут примчался в «Парклэнд Хоспитал», и бригада врачей высшей квалификации тут же приступила к работе. Утром состояние Кеннеди наконец стабилизировалось. Несмотря на страшную рану, благодаря невероятной воле к жизни, Кеннеди победил смерть – на радость миллионам людей во всем мире. Процесс выздоровления протекал медленно и мучительно. В его отсутствие Линдон Джонсон взял на себя функции президента, действовал осмотрительно, следуя рекомендациям советников Кеннеди и не допуская трагических ошибок. Никакого Вьетнама. Тем временем здоровье президента крепло день ото дня. Были опасения, что у него поврежден позвоночник и что он останется парализованным, но, к счастью, ему удалось этого избежать. Стоит ли говорить о том, что все это время Джеки порхала, словно ангел, вокруг его кровати, и, по всей вероятности, ее любовь сыграла не последнюю роль в его выздоровлении. В марте 1964 года он уже сидел, в мае сделал первые шаги, а в августе вернулся в Белый дом и приступил к выполнению своих обязанностей, хотя еще и не в полной мере. На съезде демократической партии в середине августа он уже смог выступить с речью, и его вновь единодушно выдвинули кандидатом на пост президента. Он практически не принимал участия в предвыборной кампании – у него не было в этом нужды. На выборах в ноябре его соперник Барри Голдуотер потерпел сокрушительное поражение. Меньше чем через год после трагедии в Далласе Кеннеди переизбрали на второй срок. Но он изменился. Первое время это являлось очевидным только для ближайшего окружения, но по мере того, как рассеивался возникший вокруг его фигуры ореол мученичества, они стали заметны сначала прессе, а затем и широкой публике. Сложилось впечатление, будто он, что называется, «увидел свет». То, что Кеннеди побывал на пороге смерти, оказало на него глубокое влияние. Долгие месяцы изоляции, когда он общался исключительно с врачами и близкими родственниками, тоже сделали свое дело. Не стало больше антикоммуниста, расчетливого воина «холодной войны», прожженного политика, способного на всяческие грязные делишки. Не было больше и интрижек, злоупотреблений наркотиками, игр с прессой в стиле кнута и пряника, роскошных вечеринок и ауры Камелота. Он стал аскетом.

– Кем? – переспросил Свэггер.

– Человеком с большой самодисциплиной и четкими моральными принципами.

Истинно верующим.

– Понятно.

– Ощувив дыхание смерти, он возненавидел ее и делал все, чтобы та не напоминала о себе. Ощущение хрупкости и недолговечности жизни, осознание того, что она может прерваться в результате малейшего акта насилия, превратили его в пацифиста. Теперь он понимал, что война – это зло, и как абстрактное, и как конкретное понятие, что сила – это жалкая маскировка страха, что миролюбие и сдержанность могут добиться гораздо большего. Он вывел десять тысяч американских солдат из Вьетнама, сократил бюджет Министерства обороны на сто миллионов долларов, начал переговоры с Кастро. Приказал ЦРУ прекратить подрывную деятельность против Кубы и вмешательство во внутренние дела латиноамериканских и африканских стран, во многих из которых в скором времени установились коммунистические режимы, как это случилось с республикой Южный Вьетнам, который без сопротивления захватили коммунисты с севера. Для него не имело значения, что мы «потеряли» эти страны. Мы «выиграли», избежав войны и сохранив драгоценные жизни наших парней. Его главной целью было прекращение гонки ядерных вооружений с русскими. У него вызывала ужас и отвращение мысль о том, что миллионы людей во всем мире боятся, как бы какой-нибудь безумный генерал, руководствуясь собственной прихотью, не нажал

кнопку, после чего наша планета погрузится в бездну атомной катастрофы. В 1967 и 1968 годах его основные усилия стали направлены против эскалации гонки вооружений и накопления ядерных устройств и средств доставки, поскольку угроза их случайного срабатывания становилась все более и более реальной. Он призывал русских сделать все, чтобы как можно дальше отойти от края пропасти безумия взаимного уничтожения. Мир содрогался от страха, наблюдая за тем, как «Атласы» и «Посейдоны», СС-12 и СС-14 размещались в шахтах на Американском Западе и в Сибири, а В-52 и «Туполевы» разрисовывали небо пушистыми инверсионными следами вблизи границ воздушного пространства двух сверхдержав по двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Все это постоянно напоминало нам о том, как близки мы к катастрофе и насколько ненадежны механизмы обеспечения нашей безопасности. Что касается русских, они не реагировали на инициативы Кеннеди. Да, либералы в Политбюро ратовали за смягчение подходов, но сторонники жесткой линии, изумленные готовностью президента идти на односторонние уступки, отстаивали принцип бескомпромиссности и хотели увидеть, что еще можно получить от этого парня, которого они считали сумасшедшим, хотя и не говорили об этом вслух. Второй срок Кеннеди близился к концу. Пресса стран Восточного блока превозносила его за стремление снять взрыватели с бомб, угрожавших миру, и перейти от воинственности к взаимопониманию. И тут президент совершил немыслимое. Он объявил об одностороннем отказе от ядерного оружия. Распорядился посадить на аэродромы В-52, отключить компьютеры Командования воздушно-космической обороны Северной Америки и радары линии DEW, слить топливо из ракет «Минитмен» и приступить к нейтрализации и уничтожению боеголовок. Он распорядился приостановить осуществление экспериментальной программы MX. В конце концов он добился мира, лишив Соединенные Штаты статуса ядерной державы. В двенадцать минут первого ночи, во вторник, 5 ноября 1968 года, русские произвели пуск ракет с ядерными боеголовками.

– Вот это да! – произнес Свэггер. – Ричард, это уже слишком, вам не кажется?

– Джек, вы обещали не перебивать меня.

– Хорошо, что я уже давно бросил пить, а то сейчас набрался бы «бурбона», да еще начал бы приставать к молодым женщинам и полез бы в драку, как пьяный матрос.

– У меня пересохло во рту. Мне нужен еще бокал пива.

– Еще бы, после того, как вы уничтожили мир. – Боб подозвал официанта. – Принесите еще один «текате» и еще один бокал диетической кока-колы.

– Хорошо. Вы не хотите посмотреть меню десертов?

– Поскольку меня испепеляет ядерный пожар, мороженое – неплохая идея, – отозвался Боб.

Ричард рассмеялся.

– Это уже лучше.

Официант принес пиво, и Ричард вознаграждал себя большим глотком за уничтожение западного полушария, в то время как Свэггер осушил свой бокал в память о горящих городах и миллионах людей, погибших во сне.

– Ладно, Ричард, – нарушил паузу Боб. – По-моему, я достаточно подготовлен, чтобы пройти через это.

– Вам только кажется, что правда невыносима, – сказал Ричард. Он перевел дыхание и продолжил: – Кто может винить их? Вероятно, это даже не было решением Кремля. Я думаю, инициатором выступил обычный генерал в каком-нибудь командном бункере неподалеку от Владивостока. С точки зрения его национальной философии и железной логики Доктрины Взаимного Уничтожения он поступил правильно. После того как слово «взаимное» было удалено из уравнения, пуск ракет с ядерными боеголовками стал вполне логичным решением. Спустя тридцать минут после начала нападения погибли свыше ста миллионов американцев. Все командные бункеры были уничтожены. Инфраструктура Командования воз-

душно-космической обороны Северной Америки обратилась в радиоактивную пыль. Ракеты с мегатонными ядерными зарядами стали бесполезны в своих шахтах, поскольку их отключили от компьютерной сети. Более того, они уже перенацелены на небольшие американские города, так что всякие там Дюбуки, Седар-Рэпидсы и Лоутоны сгорели бы на термоядерной сковородке. Таким образом, русские легко выиграли третью мировую войну. К сожалению, они не были столь же успешны в четвертой, начавшейся на следующий день. Полагая, что британцы будут вести себя тихо, они сильно ошибались. Королевские ВВС превратили Восточную Европу в погребальный костер. В ответ британские аэродромы подверглись обстрелу ракетами среднего радиуса действия СС-7. Погибли еще около двадцати миллионов человек. Силы ВМФ Соединенных Штатов мало пострадали в ходе ядерного нападения. Американские эсминцы рыскали в море, отыскивая и отправляя на дно русские субмарины. Самолеты с авианосцев уничтожали ракетами корабли русского надводного флота, располагавшиеся недалеко от побережья установки тактического ядерного оружия и скопления танков, а также атаковали города, имевшие несчастье оказаться в пределах радиуса их действия. И, наконец, одна американская субмарина, находившаяся в плавании во время нападения и благодаря этому избежавшая гибели, произвела без команды пуск ракет. Шестнадцать «Посейдонов». Шестнадцать мегатонн. В результате к концу первого дня четвертой мировой войны русские потеряли около двухсот миллионов человек. Их военной инфраструктуре был причинен огромный ущерб. Казалось, теперь планету унаследуют китайцы, африканцы и латиноамериканцы. Ха-ха-ха, это шутка. Началась ядерная зима – одно из неизбежных последствий использования ядерного оружия. В небе повисло одеяло радиоактивных отходов, закрывшее солнце. Вся растительность погибла. Средняя температура снизилась на сорок градусов. Вода в морях и океанах была отравлена. Морская фауна и флора вымерла. Возникли всевозможные мутации, наряду с гриппом, чумой и холерой свирепствовали болезни, появились новые паразиты, расплодились болезнетворные бактерии, с которыми прежде успешно боролись с помощью воды и мыла. В результате погибли еще миллионы. Среди выживших смертность превышала рождаемость. Человечество вымирало, и ничто не могло изменить эту демографическую тенденцию. К 2014 году создалось критическое положение. Люди, которых осталось меньше сотни тысяч, пришли к заключению, что у них есть только один выход. Собрались все выжившие ученые, инженеры, врачи, военные и мыслители. Это было одно из величайших собраний в истории, вроде Манхэттенского проекта, колоссальное мероприятие, призванное посредством огромных умственных усилий – невиданных с тех самых времен, когда австралопитек убил бедренной костью своего первого тапира в африканской саванне, – спасти человечество. Они были вынуждены послать человека обратно в прошлое.

– Кажется, я видел этот фильм, – произнес Боб. – Он называется «Терминатор».

– Хм, никогда не слышал о таком фильме, – сказал Ричард, допив свое «текате» и протянув руку за следующим бокалом. – Теперь, когда вы упомянули его, мне тоже кажется, что я видел его.

– У меня такое впечатление, будто я был с вами вплоть до путешествия во времени. Я рою ямы в земле, глубокие прямые ямы. Другими словами, живу в грязи и воюю с ней. Грязь – настоящая стихия, Ричард, и особенно отчетливо это ощущается, когда между вами и тем, что вы пытаетесь выкопать, лежит ее слой толщиной десять километров. Поэтому мне путешествие во времени представляется чем-то совершенно невероятным. Я просто не в состоянии постигнуть это своим умом. Так что на этом мне придется остановиться.

– Поверьте мне, Джек, согласно законам физики, теоретически путешествие во времени возможно. Не буду утомлять вас математическими выкладками, но весь секрет заключается в положении тела в пространстве. Видите ли, если вы отправите одного из этих привлекательных молодых людей из этого замечательного ресторана на сто лет в прошлое, он

моментально погибнет, поскольку окажется в открытом космосе. Там нет воздуха, температура близка к абсолютному нулю и летает всякое дерьмо со скоростью света, поскольку его ничего не сдерживает. Земля, Солнечная система и Вселенная находятся в постоянном движении. Вам сначала придется разработать такой суперкомпьютер, который способен точно рассчитать, где это место находилось сто лет назад, и только потом отправить его туда с помощью луча.

– У меня начинает болеть голова, – сказал Боб.

– Мы почти закончили, – успокоил его Ричард и сделал еще один глоток пива. – Этот человек должен быть не каким-то особенным, но абсолютно надежным. Его выбирали с помощью тщательного психологического тестирования среди тысяч людей, которые поклялись, что смогут выполнить задачу. Но в 2015 году все понимали, что соблазн остаться в прошлом может оказаться непреодолимым. Прошлое гораздо лучше, нежели неуклонно ухудшавшееся настоящее. Им нужен был человек, готовый пожертвовать собой ради мира, который он никогда не увидит, ради детей, которых он никогда не узнает. Он же обречен не только на смерть, но и на забвение. Последующие поколения никогда не узнали бы о его существовании. И такого человека выбрали. Возможно, он похож на вас, Джек, – сильный, умный, бывалый, постоянно держащийся настороже и находящийся в некотором напряжении, будто всегда готовый увернуться от пули. Настоящий герой, прихрамывающий вследствие ранения, о котором никогда не рассказывает. Его отправили в прошлое. Он оказался в юго-западном углу Техасского книгохранилища в 12.29 по центральному поясному времени 22 ноября 1963 года. У него оставалось всего около минуты для подготовки. Он не знал ни колебаний, ни сомнений, ни страха, ни сожаления. Очень тренированный, Джек Брофи, если он вообще существовал. Прекрасно разбиравшийся в оружии, он имел с собой винтовку – ничего особенного или сложного, – хороший прицел и несколько обойм патронов. Эта амуниция случайно уцелела после ядерных войн, и ее с большим трудом нашли наши потомки в 2015 году. Герой на крыше прицелился в голову полного сил, привлекательного молодого человека, известного под именем Джон Фицджеральд Кеннеди, и увидел, как в него попадает вторая пуля Ли Харви Освальда. Президент дернулся, но не упал, затем поднес руки к горлу, приняв так называемую «позу Торберна», свидетельствующую о повреждении спинного мозга. Человек из будущего сосчитал до пяти и нажал спусковой крючок. Его пуля пронзила череп Джона Кеннеди. В этот момент он исчез. Исчезла винтовка. Исчезли все следы пули. Исчезли все свидетельства существования второй винтовки. Именно поэтому никто и никогда не сможет «раскрыть» это убийство. Охваченный паникой Освальд бежал с места преступления. Никому не было до него дела. Важно то, что в момент смерти Кеннеди прекратили существование следующие сто лет. Кеннеди был убит, а не ранен. Он не выздоровел, не вывел войска из Вьетнама, не пошел на уступки русским, не отказался в одностороннем порядке от ядерного оружия и не ввергнул тем самым мир в катастрофу. Не было ни ядерного холокоста, ни гибели миллиардов людей, ни ядерной зимы, ни разрушения экосистемы, ни исчезновения сельского хозяйства, ни отравления морей и океанов, ни демографического коллапса, ни второго Манхэттенского проекта. Мы как вид и наша планета получили еще один шанс на выживание.

Он помолчал, затем продолжил:

– Вот где мы теперь находимся, Джек, – во втором варианте реальности пятидесятилетней годовщины событий 22 ноября 1963 года. Вьетнам, Уотергейт, Джимми Картер, Рональд Рейган, Буш Первый, Клинтон, Буш Второй, 11 сентября, война с терроризмом, Ирак, Афганистан – одна проблема за другой. Но миллиарды нас не сгорели в топке ядерной войны, мы все еще пьем воду и дышим воздухом, Джек. Так что, возможно, стрелок-одиночка сделал для нас в конце концов доброе дело.

– Да, – сказал Боб, – вы обещали мне версию, и это та еще версия.

– Видите ли, большинство людей предполагают, что, останься Кеннеди в живых, последствия были бы позитивными. Это предположение ни на чем не основано. В соответствии с этим чертовым законом неожиданных последствий, они могли быть негативными, трагическими и даже катастрофическими. Никто это знать не может.

– Ричард, вы либо гений, либо безумец. Не знаю, кто именно.

– Вы наверняка не удивитесь, узнав, что я уже несколько раз слышал нечто похожее прежде. Теперь переваривайте все это, а завтра к одиннадцати часам подходите в вестибюль «Дал-Текс», и Дэйв Эронс проведет вас по зданию.

Свэггер вернулся в отель с головной болью, будто после попойки. Он и чувствовал себя как пьяный, после этой научно-фантастической истории Ричарда с путешествием во времени и прочей ерундой. Что за чертовщина? В истории имелся какой-то смысл, но какой именно, он не понимал.

Боб чуть ли не жалел, что не выпил, и, как всегда, испытывал соблазн пойти в бар, чтобы осушить стаканчик, потом другой, потом третий и так далее.

Ему следовало подумать и о кое-чем еще, отгородиться от безумных мыслей, сверливших мозг. Свэггер оделся, спустился вниз и быстро прошел двенадцать кварталов в темноте, прохладе и пустоте до Дили-Плаза, не обращая внимания на боль в бедре.

Он хотел взглянуть на него еще раз, увидеть его в темноте – без деталей, одну лишь форму. Это кошмарное место стольких безумств: травянистый холм.

Без деталей, в северной части площади он выглядел невзрачным. Боб приблизился, вскарабкался на него и бросил взгляд на проносившиеся по Элм-стрит автомобили. Он представил себя тем самым легендарным французским гангстером, кандидатом в киллеры в одной из первых версий, которая получила широкое распространение и бытовала довольно долгое время. Корсиканец, похожий на злодея из старого голливудского фильма, деградировал до такой степени, что был готов убить самого прекрасного, самого блестящего человека в мире. Он залег здесь со своим карабином М1 в тот день, в 12.30, прицелился в голову президента и нажал на спусковой крючок.

Однако...

Нет, это не так! Французский киллер не мог убить президента. Тот ехал с неопределенной скоростью, и француз пришлось бы держать под прицелом точку, находившуюся в пятнадцати сантиметрах перед его головой, чтобы попасть. Эта техника называется стрельбой с поправкой, и она требует определенного таланта и практики. Некоторые люди просто неспособны овладеть ею.

Большинство людей полагают, что француз на холме стрелять было легче, чем Освальду, поскольку он находился ближе к автомобилю Кеннеди. По их мнению, ближе – значит легче. Освальд находился на расстоянии восемьдесят метров, француз – двадцать пять. Понятно, что эти люди никогда не стреляли по движущимся мишеням.

Свэггер определил, что француз находился под углом девяносто градусов по отношению к автомобилю, который собирался прибавить в скорости. Для того чтобы выстрелить – а он мог произвести только один выстрел, дабы не разоблачить операцию прикрытия, – француз должен стрелять с поправкой. Это труднейший выстрел, называемый «кроссер». Чтобы овладеть им, нужно очень долго тренироваться, учась определять опережение в зависимости от скорости перемещения цели. Француз должен был поймать цель в прицел, сдвинуть винтовку вперед, дабы она опережала ее на определенное (неизвестное) расстояние, и нажать на спусковой крючок, не нарушая плавное перемещение ствола. Свэггер знал, что «кроссер» довольно трудно производить из автомата, очередь из которого поражает довольно широкую зону, и почти невозможно из винтовки, если стреляет не профессионал высочайшего класса. Результат такого выстрела без пристрелки совершенно непредсказуем. Теоретически

он может оказаться успешным, но для группы профессионалов было бы неразумно полагаться на одного стрелка, стреляющего впервые в незнакомых условиях, если только это не гений винтовки, а такие люди большая редкость и их очень трудно найти.

Что касается Освальда или кого бы то ни было, кто стрелял из здания Книгохранилища, он находился в совершенно иных условиях. Его выстрел, если пользоваться терминологией стрельбы по летящим целям, был исходящим. В нем нет ничего сложного. Когда лимузин ехал по Элм-стрит, стрелок находился по отношению к нему под углом меньше пяти градусов и в его прицеле медленно перемещался справа налево – возможно, даже незаметно для него. По мере удаления автомобиль уменьшался в размерах. Эти условия не требовали стрельбы с поправкой, требующей навыка определения опережения. Он имел возможность точно прицелиться, сконцентрироваться на спусковом крючке и произвести точный выстрел. Если прицел отрегулирован должным образом, такой выстрел не представляет никакой сложности. Разница в дистанции не имеет особого значения. Для Боба, с его снайперскими мозгами, выстрел сзади и сверху гораздо легче выстрела под углом девяносто градусов в автомобиль, ускоряющийся до неизвестной скорости.

«Выстрел должны были произвести сзади», – подумал Свэггер.

Глава 05

Душ, гардероб, кофе, газета. Тот же мешковатый костюм цвета хаки. Тот же красный галстук. Он вышел из номера. «Дал-Текс» находился примерно в восьми кварталах, и он проделал тот же путь до Дили-Плаза, что и вчерашним вечером. Такие прогулки шли на пользу его бедру.

Он сразу обратил на них внимание. Их было двое. Один стоял, другой сидел за рулем автомобиля, похожего на «Шевроле '09». Автомобиль подъехал к обочине тротуара, и первый сменил на водительском месте второго. Один из них был черным, в черном костюме, без галстука, в мягкой шляпе с загнутыми краями и темных очках. Другой – полный, с угрюмым выражением лица, в клетчатом пальто и слаксах, без галстука, шляпы и очков. Это явно не любители.

Боб шел по Мейн-стрит, мимо высоких зданий из стали и стекла, которых здесь не было сорок девять лет назад. Прошлым вечером он прошел по маршруту, остро ощутив, как кондиционеры вытеснили культуру открытых окон. На фасадах сорокаэтажных гигантов Свэггер не увидел ни единого открытого окна.

В эпоху Кеннеди все было иначе. Дома, построенные главным образом в двадцатые и тридцатые годы, приземистее и тучнее, украшенные многочисленными декоративными элементами, всевозможными арками и куполами, искусно выполненными из кирпича и камня. И окна. Кеннеди проехал мимо пятидесяти тысяч открытых окон, и стрелок мог затаиться в любом из них. Президент сам не раз шутил по этому поводу, вызывая натянутые улыбки, поскольку такой исход был более чем вероятен. Окна заканчивались. За зданием Книгохранилища тянулось открытое пространство, вплоть до Трейд-Март, где он собирался произнести речь. В пятьдесят тысяч первом окне затаился стрелок. Конец истории.

Как когда-то Кеннеди, Свэггер достиг Дили-Плаза, но вместо того, чтобы повернуть влево и продолжить путь по Мейн-стрит, повернул вправо, на Хьюстон-стрит. Пройдя квартал, оказался на пересечении Хьюстон– и Элм-стрит, где рядом друг с другом, словно два близнеца, стояли два кирпичных здания – Техасское книгохранилище и «Дал-Текс».

Он принялся внимательно изучать последнее. Высокое семиэтажное офисное здание из красного кирпича с плоской крышей и арками, большие, заглубленные открытые окна, толстые каменные плиты по периметру крыши. В угловой части здания заметны новые, более светлые, оранжевые кирпичи, к которым прикреплена табличка с новым адресом – 501, Элм-стрит. Там же размещались кафе и сувенирный магазин «Музей седьмого этажа», хотя неясно, имеет ли он отношение к музею в здании «Ти-Би-Ди», расположенном через улицу, и не использовалось ли это название просто в качестве маркетинговой уловки. Свэггер отметил, что пожарная лестница, которая в 1963 году простиралась на всю высоту здания, сейчас отсутствовала.

Взгляд Боба сместился влево, через оживленную Хьюстон-стрит, и уперся в снайперское гнездо Освальда на седьмом этаже. С перекрестка двух улиц окно казалось огромным. Отсюда до него не больше тридцати метров, и величина угла никак не влияла бы на траекторию вследствие малого расстояния. Ничто не мешало всадить пулю в тело президента, целясь в белую рубашку – ветер отсутствовал, спусковой крючок функционировал нормально.

Свэггер стоял на углу, вновь представляя, как большой автомобиль совершал медленный поворот под углом сто двадцать градусов. Визуально он почти не двигался, а в окне засел стрелок.

И опять: почему он тогда не выстрелил? Цель прекрасно видна, грудь располагалась под прямым углом, Конналли сидел впереди и не мог загородить Кеннеди, как и сидевшая справа Джеки. Любой бойскаут мог бы произвести точный выстрел.

Что же происходило с Освальдом в его гнезде? Еще одна неразрешимая тайна, которая умерла вместе с Джеком Руби, всадившим в Освальда пулю из своего.³⁸ «спешл».

Свэггер дождался зеленого света, перешел улицу, преодолел четыре ступеньки и вошел в «Дал-Текс».

Он очутился в просторном помещении. Атриум обнажал внутренности нескольких этажей с балконами. Стоявший возле вахтерской кабинки хорошо одетый человек приятной наружности, лет сорока с небольшим, поприветствовал Свэггера.

– Мистер Эронс? Меня зовут Джек Брофи. Полагаю, мой друг Ричард Монк звонил вам по поводу меня?

Они обменялись рукопожатием, и Эронс сказал:

– Да, звонил, мистер Брофи...

– Пожалуйста, зовите меня Джек.

– Хорошо. Я отлично отношусь к Ричарду, поэтому с удовольствием проведу вас по зданию и отвечу на все ваши вопросы.

Свэггер постарался. Первый касался атриума, которого в 1963 году еще не было. Он появился после реконструкции, осуществленной в девяностых годах. Боб обратил внимание на то, что общая стилистика здания выдержана в модернистском духе. Старые элементы подверглись облагораживанию. Дизайнер оставил, где возможно, грубую кирпичную кладку. В здании царила атмосфера сдержанной элегантности, которую подчеркивали присутствовавшие всюду элементы из структурного дерева. Потолки покрытые штукатуркой, обнажали толстые железобетонные балки, служившие каркасом здания наряду с все еще прочными деревянными брусьями.

– Полагаю, эти три лифта были и до реконструкции? – спросил Свэггер, когда они поднимались вверх.

– Да, с самого начала, – ответил Эронс. – Разумеется, их переоборудовали. Кабину изготовили из нержавеющей стали, отделали тиковым деревом и снабдили зеркалом. Но шахта всегда находилась здесь.

– Понятно. А имелись ли здесь когда-нибудь лифтеры? Конкретно, в 1963 году?

– Лифтеров не было никогда.

– А охрана?

– Охраны тоже. То есть до последнего времени.

Свэггер понял, что внутри здание меньше, нежели снаружи, несмотря на атриум. Кроме того, внутри оно выглядело квадратным за счет идеальной симметрии, тогда как снаружи – несколько продолговатым.

Они поднялись на восьмой этаж, и Эронс провел его по пустовавшим офисным помещениям, выходившим окнами на запад, на Хьюстон-стрит, и располагавшимся напротив Техасского книгохранилища. Его крыша виднелась в семи с половиной метрах, но лучше всего просматривался угол с Элм-стрит, за которым полностью открывалась улица с меткой Х, обозначающей место выстрела в голову.

Не требовалось быть гением, чтобы заметить, насколько легко можно поразить отсюда президента в голову или в спину. Кроме того, широкий подоконник обеспечивал прекрасную опорную поверхность, и, поскольку окно являлось заглубленным в охватывавшую его арку, дуло винтовки нельзя увидеть с улицы даже из здания «Ти-Би-Ди», расположенного напротив, на другой стороне Хьюстон-стрит. Угол по отношению к автомобилю и телам его пассажиров отсюда почти идентичен углу из окна Освальда и зависел от нюансов поворота туловища и головы президента и губернатора.

- А окна? Они всегда открывались сверху вниз, как эти, а не распахивались наружу?
- Всегда сверху вниз.
- А полы? Деревянные, как сейчас? И всегда покрыты коврами?
- Они были точно такими, какими вы их видите, за исключением того, что в то время

кирпичную кладку покрывал слой сухой штукатурки. Тогда, как и сейчас, в здании размещались офисные и складские помещения. В 1963 году здесь было значительно больше людей – в основном оптовых торговцев одеждой. Они использовали его в качестве распределительного центра, и, в определенном смысле, оно выполняло функции склада, особенно нижние этажи. Офисы размещались на верхних четырех.

Боб хотел определить угол из окон фасада, то есть тех, что выходили на Элм-стрит. Устроить это оказалось делом простым, и в скором времени он смотрел на улицу под более сложным углом. И все же если бы стрелок стоял слева от окна, то выстрел не представлял бы никаких затруднений. Кроме того, он был бы невидим с улицы, если бы стоял или сидел слева от окна, и угол при этом составлял бы примерно сорок пять градусов.

Свэггер также заметил одного из наблюдателей, который сидел на скамейке на углу Элм– и Хьюстон-стрит, в верхней части Дили-Плаза, на которой на днях сидели они с Ником. Это был черный. Он делал вид, будто читает газету, но в действительности пристально смотрел на входные двери «Дал-Текс» через щель между нижней кромкой шляпы и верхним краем газеты. Грубая работа. Лучше бы ему было пройти дальше по улице и расположиться у «Даллас рекордс билдинг», на другой стороне Элм-стрит, где он не так бросался бы в глаза.

Затем настала очередь крыши. Доступ к ней осуществлялся по узкой лестнице, заканчивавшейся площадкой, и через горизонтальную дверь. На крыше человек оказывался невидимым, поскольку в непосредственной близости не было ни одного более высокого здания. Там находилось лишь одно строение – лифтовая будка, представлявшая собой свободно стоящую кирпичную коробку в задней части здания. Она явно подвергалась переоборудованию во время одной из реконструкций. Ее интерьер был на удивление минималистическим. Будка содержала три больших блока для подъема, каждый из которых подключался к электронной плате, управляемой, по очевидности, компьютером.

На этом экскурсия завершилась. Ни одна из загадок не нашла разрешения, но и ни одна из возможностей не стала исключенной. Когда они спустились в вестибюль, Свэггер поблагодарил Дэйва, пожал ему руку и вышел на улицу. Он ждал звонка от Ника, и тот застал его на полпути к отелю.

- Ты заметил их?

– Да, черный парень в шляпе, костюме, без галстука. Белый парень, тучный, без шляпы, в клетчатом пальто. Приехали на красном «Шевроле '09». Мне следует их опасаться?

– Нет. Это местные хрены. Бывшие детективы. Работают на «Джексон-Барнс», детективное агентство. Как правило, следят за неверными мужьями и собирают компромат. Чем пикантнее фотоснимок, тем выше сумма откупа. Сцена с оральным сексом может стоить какой-нибудь шишке миллиона два. Невероятно. Эти ребята хороши только в слежке за программистами, миллионерами и нефтяными магнатами. Тебе они не ровня.

- Кто их нанял? Неужели Ричард?

– Да. Один из наших агентов имеет в их офисе источник информации.

- Вот уж не думал, что Ричард способен на это.

– Весьма интересный тип. Живет скромно, одевается скромно, полностью поглощен преступлением века, но стоит свыше пяти миллионов. Дважды в год ездит в отпуск – в Бангкок.

- Что-нибудь противозаконное?

– Выясняем. Пятьдесят два года. Диплом Университета Брауна. Двадцать лет прослужил в военной разведке. Прекрасные отзывы. Несколько удачных секретных операций, глав-

ным образом в Германии. Фотографическая память, за что очень ценился. Шустрее компьютера. Женился на немке, развелся. Вышел в отставку в 2004 году в звании майора. В Далласе появился в 2005 году. Основал институт. Свел знакомство со всеми экспертами, завоевал их доверие и симпатию. Убедил всех в том, что является безобидным полупомешанным. Судя по всему, грешит порнографией. Дело нешуточное. Он покупает множество DVD из Японии и состоит членом нескольких чатов «Япорн», где пользуется большим авторитетом.

– У каждого свои маленькие слабости. Кто платит за «институт»?

– Он существует на ежегодный грант от Фонда Томпсона из округа Колумбия, учредители которого исповедуют левые взгляды и поддерживают учреждения, ратующие за усиление контроля над оружием и защиту окружающей среды. Проследить дальше у нас не получается, поэтому я не могу сказать, от кого исходит инициатива слежки за тобой.

– Не пора ли мне собирать вещи?

– Нет. Эти два типа, как я уже говорил, не представляют никакой опасности. Оба они занимаются исключительно выявлением порока, никогда не принимали участия в силовых акциях, работают строго с девяти до пяти и после окончания рабочего дня спешат домой, чтобы поиграть с детьми.

– Хорошо. Тогда они мне не мешают.

– «Джексон-Барнс» почти наверняка собирает информацию о «Джеке Брофи», но Департамент юстиции может легко воспрепятствовать этому. Ты съедешь из отеля. Ричард поверит, что ты тот, за кого себя выдаешь. Так что с того?

– Сегодня, когда Тупой и Еще Тупее отправятся домой, я съеду из отеля и исчезну. Пусть Ричард погадает, остался я или нет. Через пару дней я неожиданно встречу с ним и начну задавать прямые вопросы. Если он не просто параноик, то непременно предпримет в отношении меня какие-то действия. Тогда и посмотрим, что произойдет.

– Мне не нравится это, Свэггер. Ты спровоцируешь их на активные действия, и мы не успеем вмешаться вовремя.

– Не волнуйся, я буду все время на связи. Когда наступит подходящий момент, мы проведем операцию и посмотрим, что нам удастся раздобыть.

– Никакого оружия.

– Если только я не увижу, что на меня охотятся. Тогда начну охотиться я.

Свэггер провел еще один нормальный день. Он заглянул в книжный магазин Ричарда и приобрел три старые книги со скидкой 25 процентов – Баглиози, Познера и сокращенный вариант доклада Комиссии Уоррена. Они имелись у него дома, но он не захватил их с собой. После этого Боб отправился на Дили-Плаза, где прогулялся и посидел на скамейке, затем вернулся в «Адольфус», поужинал и лег спать. Весь день он чувствовал за собой «хвост».

В 4 часа утра Свэггер проснулся, принял душ, побрился, проверил сумку, в которой лежали книги, кое-что из одежды, туалетные принадлежности, 38 «супер», несколько обойм и кобура для скоростной стрельбы, спустился в фойе, расплатился за номер и выскользнул через боковую дверь на улицу. Он прошел девять кварталов по пустынным улицам, стараясь не попадать в свет фар проезжавших время от времени полицейских автомобилей, дабы не привлекать излишнего внимания. Впереди показался «Даллас Вест-Энд», ночной клуб, находившийся в нескольких кварталах к северо-западу от Дили-Плаза, где было множество такси.

Через двадцать минут Свэггер доехал до места назначения, выбрал первый попавшийся отель – «Эконо Лодж», расположенный на шоссе, ведущем в аэропорт, – снял номер и заплатил наличными за неделю вперед, чтобы никто не мог найти его по кредитной карте. Едва ли Ричард располагал такими возможностями, но крупное детективное агентство вполне могло. Боб позвонил Нику, сообщил ему новый адрес и вновь отправился в постель.

Ник позвонил в три часа пополудни.

– Эти ребята сбились с ног, разыскивая тебя.

– Пускай попотеют.

– Какие у тебя планы?

– Хочу отсидеться здесь пару дней и перечитать еще раз всю эту чушь. Он сказал, что это чертовски великая вещь, и не имеет значения, с какой стороны тудаходишь, все равно заблудишься в лабиринте. Попробую проштудировать все это повнимательнее.

– Я думал, ты, как специалист по винтовкам, уже все усвоил.

– С винтовками все в порядке, но я никак не могу разобраться со временем. Как они сумели сделать все так быстро? Если бы не такая быстрота, у них ничего не вышло бы. Ли Харви – плохой мальчик, Роберт Эптэптон попадает под колеса автомобиля пьяного подонка, а Боб Ли возвращается в свое кресло-качалку, став мудрее, но беднее. От этого можно сойти с ума.

– Многие бедолаги уже сошли, – сказал Ник, – я, например.

– Через пару дней я неожиданно нагряну к Ричарду, и мы сыграем с ним в новую игру.

– Хорошо. Дай мне знать, чем я могу тебе помочь.

На том и порешили. Три дня Боб изучал приобретенные книги, пытаясь связать разрозненные факты в единую логическую схему. Миллион людей до него пытались сделать это, и, как и все они, он потерпел неудачу. Ничего. Никаких зацепок. Выходило, что никто, кроме Освальда, не мог сделать это. Иных вариантов просто не было. Выстрел из здания «Дал-Текс»? Эта версия находилась на грани физически возможного и не была подкреплена какими-либо свидетельствами, за исключением широко распространенного мнения, будто третья пуля прилетела сзади и сверху, и того факта, что некоторые окна «Дал-Текс» находились в пределах конуса траектории, который компьютерный век наложил на картину событий давно минувших дней. Не было ни единой фотографии верхних этажей здания, сделанной в тот день около 12.30 и подтверждавшей, что одно или несколько из этих окон были открыты.

Появился и еще один факт: кто-то убил Джеймса Эптэптона. Однако даже если это и убийство, оно могло быть и не связано напрямую с выстрелами в Кеннеди. Возможно, Эптэптон поделился с этим парнем своей версией, а тот, увидев, что она нова и оригинальна, решил присвоить ее себе и устранил подлинного автора. Убийства совершаются по гораздо менее серьезным причинам – ради нескольких долларов, игрушек и спортивных туфель, из гордости, тщеславия и предрассудков. Не исключено, что это был сам Ричард, хотя он едва ли подходил на роль киллера. Но, возможно, если «Джек Брофи» поговорит с Ричардом начистоту, тот выскажет какие-либо соображения по поводу того, кто из сообщества исследователей убийства Кеннеди способен на такое.

Свэггер не знал, что ему делать дальше.

На третий день бездействие начало действовать Бобу на нервы. Он вышел из отеля, поймал такси и поехал в один из пригородов Далласа по адресу, обнаруженному в Интернете. Это был большой магазин спортивных товаров, называвшийся «Аутдор вэрхауз» и вполне соответствовавший собственному утверждению, согласно которому «он располагает почти всем, что может понадобиться на свежем воздухе». В нем имелся охотничий отдел, где в сверкающих витринах стояли замечательные винтовки самых различных типов, вариации калибров 9 мм, 38/.357 и .45. Патроны тоже были представлены в широком ассортименте, и между 6,5 «кридмор» и 6,5 «суэд» он обнаружил несколько коробок с 6,5 «манлихер-каркано». Чешские патроны, изготовленные на заводе «Први Партизан», весом 162 грана¹⁴. Они

¹⁴ Тройская система измерения веса. 162 грана = 10,497 грамма.

поражали своей дешевизной – всего пятнадцать долларов. Стоявший за прилавком мальчик лет тринадцати не скрывал иронии по поводу того, что пожилой мужчина покупает коробку 6,5 «манлихер-каркано» – здесь, в Далласе, штат Техас.

Вернувшись в свой номер, Боб открыл коробку, достал из нее двадцать патронов, взял один и внимательно его рассмотрел. Тот напоминал маленькую блестящую тупоносую ракету. Пуля была непропорционально длинной по сравнению с гильзой, и ее тупой нос свидетельствовал о том, что она появилась еще в 1890-х годах, будучи тогда последним достижением технического прогресса.

Свэггер разглядывал пулю под десятком разных углов, пытаясь разгадать ее секреты. Она была похожа на пулю, которую, как принято считать, выпустил из своей винтовки Освальд.

Хотя это была волшебная пуля, сегодня она выглядела старомодной и забавной со своей закругленной «*méplat*»¹⁵. Боб вспомнил, сколько ранений она причинила, пронзив президента в верхней части спины, пройдя сквозь его тело и поразив губернатора Конналли в запястье и ногу. Под определенным углом эта пуля – Вещественное Доказательство Комиссии Уоррена № 399 – выглядела «чистой», как та, которую рассматривал Свэггер, держа ее на расстоянии восьми сантиметров от глаз. Но Боб помнил: под другими углами видно, что ее основание изуродовано и сдавлено в результате удара. Таким образом, она была далеко не «чистой», но в то же время казалась подозрительно невредимой.

По собственному опыту Боб хорошо знал, какие разрушения производят пули в человеческом теле. Он не видел ничего загадочного в том, что пуля причинила столь многочисленные ранения, поскольку не поражала кости до тех пор, пока не покинула туловище президента, вошла ему в запястье и раздробила его. К этому моменту ее первоначальная скорость, составлявшая шестьсот метров в секунду, значительно снизилась, и, соответственно, она утратила большую часть своей энергии и уже не могла получить серьезные повреждения при столкновении с твердыми поверхностями.

Свэггеру не давала покоя ее старомодность. Даже по стандартам 1963 года. Когда эта пуля поразила президента, по конструкции и дизайну ей исполнилось уже восемьдесят два года. Люди, в подавляющем большинстве своем, упустили из вида этот факт. Для них это ничем не примечательная пуля.

Кроме того, необходимо было изучить происхождение и назначение пули. Слишком многие идиоты писали об убийстве Кеннеди, не затрагивая эти два важных вопроса. Слишком многие воспринимали пулю как всего лишь кусок свинца, вставляемый в гильзу и выстреливаемый из винтовки в произвольном направлении. А в 1891 году дизайну и характеристикам пули придавалось очень большое значение. Задолго до того, как в домах появился водопровод и горячее водоснабжение, публиковались солидные математические трактаты по баллистике.

Итак, Свэггер держал в руке ту самую пулю – в латунной гильзе, весом 162 грана, с медным покрытием необычной толщины, длиной три сантиметра, с закругленным кончиком. Спроектированную после длительных исследований и многочисленных экспериментов, имевших целью наделить ее боевыми характеристиками, которые, по мнению командования итальянского Генерального штаба, имели бы большое значение в конце XIX и начале XX века. В ней не было ничего случайного. Она призвана не просто убивать, а убивать конкретного врага в конкретных обстоятельствах.

Боб вспомнил, что для того, чтобы понять сущность Вещественного Доказательства Комиссии Уоррена № 399, ему сначала пришлось понять реалии итальянской армии 1891 года. Когда в качестве стандартного пехотного патрона был принят круглый – в эпоху общего

¹⁵ Французский технический термин для обозначения уплощенной головки пули.

для Европы перехода от однозарядных ружей к магазинным винтовкам, таким как «Маузер К98», французская «лебель», британская «ли-энфилд» и, наконец, американская «спринг-филд».

С кем планировало воевать командование итальянского Генерального штаба и в каких условиях? В те времена внешняя политика Италии не отличалась особым экспансионизмом, и до прихода Муссолини к власти оставалось еще тридцать лет. Итальянцы не были великими колонизаторами, и им не приходилось обеспечивать безопасность заморских владений, подобно британцам. Их солдаты не воевали в Африке¹⁶, Азии и на островах Тихого океана. Они должны лишь защищать свою прекрасную, обогреваемую теплым солнцем родину, изобиловавшую природными ресурсами, виноградом и пастой.

В 1891 году итальянцы понимали, что грядущие битвы будут носить преимущественно оборонительный характер. Они не собирались нападать¹⁷. Они собирались защищаться. Их задача заключалась в предотвращении вторжения. Где могло разыгаться такое сражение? В те времена высадки морского десанта еще не практиковались; следовательно, вероятнее всего, врага – немцев или австрийцев – нужно было ожидать на сухопутных границах. Если взглянуть на карту, становится очевидным, что вторжение на территорию Италии по суше могло осуществляться только через Альпы, – горная война.

Кого в этих сражениях пытался бы убить итальянский солдат и на какой дистанции? Как считал Свэггер, горная война предусматривает стрельбу на больших дистанциях. Взять, к примеру, боевые действия в Афганистане, с перестрелками на дистанциях до пятисот метров. Горная война предусматривает стрельбу вверх и вниз на склонах, и по горизонтали в долинах. За редкими исключениями, в ней не бывает рукопашных схваток, и цели, как правило, находятся на дистанции двести-четыре метра. Это требует от пули высокой точности, что, в свою очередь, делает необходимой такую систему нарезки ствола, которая обеспечивала бы эффективное вращение с повышенной плотностью, дабы пуля могла противостоять воздействию неожиданных порывов ветра, часто случающихся в горах. Свэггеру пришло в голову, что это точное описание пули 6,5 «манлихер-каркано» в идеале, хотя от итальянских заводов едва ли можно было ожидать такого исполнения.

В кого же пришлось бы стрелять в горах? Врагом был бы немецкий или австрийский горный стрелок, обладающий альпинистскими навыками, сильный, здоровый, спортивный, выносливый, с высоким болевым порогом. И еще один момент, являвшийся ключевым: ему пришлось бы носить большое количество предметов одежды – теплое нижнее белье, гимнастерка, свитер, маскхалат. Кроме того, его тело туго обтягивали бы ремни и лямки ранца.

Чтобы убить такого бойца, пуля должна обладать большой пробивной силой, не отклоняться при столкновении с пуговицей, ремнем или флягой и не распадаться при попадании в кость, а проникать в сердце, легкие, желудок, находящиеся под несколькими слоями одежды. Именно с учетом этого была разработана пуля «манлихер-каркано», и именно такой пробивной силой обладала пуля, являющаяся Вещественным Доказательством Комиссии Уоррена № 399. Она не представляла собой какую-либо аномалию. Она сработала в соответствии со своими проектными характеристиками.

И тут Свэггера осенило. У него даже возникло желание выпить. Если вторая пуля отвечала проектным характеристикам, это означало, что третья пуля им не отвечала. Она разрушилась, в чем и заключался ключевой вопрос этой загадки.

Подлинной волшебной пулей убийства Кеннеди была третья пуля. Тяжелая, округлая, призванная пронзать, а не рикошетить. Она убивала, пробивая тело, а не разрываясь внутри

¹⁶ Автор ошибается. Как раз в указанное время итальянские войска активно воевали в своих колониях в Эфиопии (Эритрее) и Сомали, а позже – в Ливии.

¹⁷ Здесь и далее – крупная ошибка автора. Именно в это время (в 1882 г.) Италия вступила в крайне агрессивный Тройственный союз с Германией и Австро-Венгрией, и защищаться от них не было никакого смысла.

его. Кроме того, на дистанции восемьдесят метров ее скорость существенно снизилась – с шестисот сорока метров в секунду, по всей вероятности, до пятисот пятидесяти. Она поразила голову президента. Для Свэггера не составило труда понять, почему в голове образовалась такая массивная, рваная рана: пуля проталкивала энергетическую волну через любой материал, с которым вступала в контакт, и если тот был заключен в оболочку, неизбежно происходил его взрыв. Однако Боб не мог понять, почему разорвалась сама пуля. Это противоречило законам баллистики.

Так почему же все-таки взорвалась третья пуля?

Глава 06

Ричард Монк баловал себя бифштексом раз в неделю и по пятницам посещал ресторан «Палм» в Вест-Энде. Сегодня, помимо бифштекса с картофельным пюре, были заказаны оливки и мартини. В ожидании, пока поджарится мясо, он потягивал мартини, как вдруг, к своему изумлению, увидел перед собой Джека Брофи.

– Ричард, не возражаете, если я присоединюсь к вам?

– О боже, Джек, я думал, вы уже покинули Даллас... Попытался дозвониться до вас, но служащий отеля сказал мне, что вы съехали.

– Я просто перебрался в другой отель.

– И где вы теперь?

– Послушайте, Ричард. Буду с вами откровенен. Мне кажется, что за мной следят.

– Следят? – Удивление, прозвучавшее в голосе Ричарда, было явно преувеличено.

– Да. Двое парней. Один черный, второй белый. Ездят за мной всюду на автомобиле. Может быть, вам известно что-нибудь об этом? Вы все-таки служили в разведке и знаете, что нужно делать в подобных случаях.

– Человек, служивший в разведке, привычен ко лжи. Так что, если я отвечу вам «нет», вы мне не поверите. Единственное, что могу сказать: подумайте, зачем мне следить за вами – в конце концов, это стоит денег, и у меня не так много служащих, чтобы можно было посылать кого-то следить за кем-то. Кусок мяса, который я сейчас заказал, – единственная роскошь, которую я могу позволить себе раз в неделю.

– Хорошо, хорошо, – успокоил его Боб. – Извините, я не хотел, чтобы вы восприняли это как обвинение. Но позвольте спросить: вы, случайно, не знаете, кто мог бы следить за мной? Как мне кажется, я располагаю некоторой интеллектуальной собственностью. Вы могли сказать об этом кому-нибудь, тот мог сказать об этом кому-нибудь другому, тот мог заинтересоваться и организовать за мной слежку.

– Джек, я даже не знаю, о чем вы говорите. Видимо, это что-то, имеющее отношение к оружию.

– Совершенно верно.

– Может быть, эта слежка связана с чем-то другим – там, в Бойсе. Помощь детям?

– Если бы к этому времени мои дети не могли помогать себе сами, я бы уже ничем не мог им помочь. Мой финансовый менеджер регулярно посылает бывшим женам чеки, так что с этим, надеюсь, у меня все в порядке. Нет-нет, моя жизнь слишком скучна и обыденна для подобных интриг.

– Джек, поверьте, никто не обращался ко мне с вопросами по поводу вас.

– Ричард, сейчас мне нужно идти. Вы не возражаете?

– Ну что вы, Джек.

– Давайте встретимся через три дня в том мексиканском заведении на Мейн-стрит в 12.30.

– Договорились, друг мой.

Разумеется, Свэггер не появился в мексиканском заведении, зато там оказались два агента ФБР, которые заметили парней из детективного агентства «Джексон-Барнс». Те сидели в автомобиле, припаркованном чуть дальше по улице, вооруженные камерой «Никон» с мощным объективом.

Свэггер позвонил Ричарду, сидевшему за ресторанным столиком, извинился за то, что не сможет прийти из-за непредвиденных обстоятельств, и предложил перенести встречу. Он

выждал еще три дня, после чего подстерег Монка на парковке возле ресторана «Y.O.», еще одного знаменитого заведения Вест-Энда, расположенного напротив «Палм».

От мартини Ричард слегка захмелел, и его желудок был наполнен белками и углеводами.

– Приятель, вы появляетесь в самые неожиданные моменты, – сказал он, явно испытывая смущение. «Наверное, – подумал Боб, – потому, что рядом нет его парней с камерой, и он не может вызвать их».

– Кажется, мне удалось уйти от моих преследователей. Давайте возьмем такси и немного покатаемся.

– Джек, похоже, вы слегка заблуждаетесь. Говорю вам, никто не спрашивал меня о вас и никто за мной не следил. Но у меня есть кое-что для вас.

– В самом деле?

– У моего друга имеется винтовка, такая же, как винтовка Освальда, – карабин «манлихер-каркано» модель 38, серийный номер CV2755 – всего на одиннадцать единиц меньше, чем номер винтовки Освальда, из Терни. Прицел и крепление у нее японские, и заказана она была в магазине «Клейнс» всего за неделю до того, как Освальд заказал там же свою винтовку в марте 1963 года. Думаю, прицел на нее устанавливал тот же самый мастер. Ближе некуда. Мой друг, состоятельный коллекционер, выложил за нее больше трех тысяч долларов. Полагаю, вам будет интересно пострелять из нее. У него даже имеется коробка оригинальных патронов 6,5. Вам, наверное, известно, как трудно их сейчас достать.

– Видите ли, то, как стреляет 2755, не имеет значения; значение имеет исключительно то, как стреляет 2766. По сотне различных причин они могут стрелять совершенно по-разному. Для моей версии не имеет ни малейшего значения даже то, как стреляла в тот день винтовка Освальда.

– Понятно. Второй стрелок, вторая винтовка. Еще один «манлихер-каркано».

– Близо, но не то. Хорошо, я скажу вам. Не знаю почему, не знаю кто, но, черт меня подери, знаю как. Давайте все-таки возьмем такси и прокатимся. За мой счет.

Боб взял Ричарда под руку и повел по улице. Тот не сопротивлялся. Если он работал на кого-то, ему нужно поддерживать контакт; а если Ричард просто помешанный на преступлении века, за кого себя и выдает, то ему необходимо выяснить, представляет ли новая информация какой-либо интерес.

Они сели в такси, и Свэггер велел водителю поездить кругами с включенным счетчиком, пообещав заплатить, сколько бы там ни набежало. Для таксиста это стало большой удачей, поскольку в столь поздний час редко кто совершал продолжительные поездки. Автомобиль тронулся с места.

– Ричард, – сказал Боб, – я хочу услышать ваше мнение. Может быть, я сошел с ума и это все ерунда. Но может быть, это часть разгадки. Во всяком случае, на меня сегодня, так сказать, снизошло озарение, и я еще больше уверился кое в чем. Позвольте мне...

– Джек, я совершенно не разбираюсь в оружии и не смогу составить мнение.

– Сможете, Ричард. Вы мне скажете, имеет ли смысл скрывать эту версию, имеет ли смысл искать писателя или режиссера, чтобы облечь ее в форму книги или фильма. Я ничего в этом не смыслю, а вы смыслите.

– Ну ладно, Джек. Я постараюсь.

– Ключевой вопрос звучит так – почему взорвалась третья пуля? На мой взгляд, никто не дал на него верный ответ. Самый лучший ответ – она взорвалась потому, что взорвалась. С пулями иногда такое случается. Это невозможно предсказать. При стрельбе по столь быстро движущейся цели может произойти всякое.

– Каков же ваш ответ? Почему взорвалась третья пуля?

– Вы же сами сказали: «Сделав свое дело, она перестала существовать», не так ли? Пуля из будущего исчезла, вместе с винтовкой, стрелком и трагедией, растянувшейся на сто лет.

– Да, я так сказал. В этом главная суть версии. По-моему, звучит очень даже неплохо.

– Ричард, вы знаете, что означает «навязчивая идея»?

– Конечно.

– Я имею в виду то, что постоянно будоражит сознание и отказывается покидать его.

– Понимаю, что вы имеете в виду.

– Ваши слова «она перестала существовать» стали моей навязчивой идеей. Размышляя над ними, я кое-что понял. Третья пуля. Та, что поразила Кеннеди. Она перестала существовать.

– Действительно, перестала. К несчастью для Комиссии Уоррена и к счастью для конспирологов всего мира.

– Нет, нет. Это не случайность. В том-то все и дело. Она должна была исчезнуть, поскольку ее разработали соответствующим образом. И успешность этой разработки сделала возможным заговор.

– Разрывная пуля? Как в «Дне Шакала», с ртутью внутри? Или, может быть...

– Нет-нет. Никаких взрывчатых веществ, никакой ртути, никакого глицерина. Все они оставляют химические следы, обнаружить которые для судебных экспертов в 1963 году не составило бы труда.

– Насколько я помню, Комиссия Уоррена задавала судебному эксперту из ФБР вопрос по поводу подобной возможности.

– Да, его звали Фрэзиер, и, как и все остальные, он был не прав. Я говорю о другом. Эта пуля, имевшая обычный состав, обычные металлургические и другие свойства, была разработана таким образом, что взрывалась, не оставляя никаких следов своего существования. Это поистине волшебная пуля, и все были настолько глупы, что не могли вообразить ничего подобного.

– Но как можно заставить обычную пулю взорваться?

– Все дело в скорости.

Ричард слушал объяснения Свэггера с изумлением и, казалось, уже начинал кое-что понимать в оружии.

– Ты где находишься? – раздался голос Ника в трубке мобильного телефона.

Прошло несколько дней. За это время Свэггер еще раз встретился с Ричардом, отправил ему несколько сообщений по электронной почте с вопросом, не нашел ли тот что-нибудь похожее на его версию скорости, которую он якобы проверял, и всячески надоедал ему, стараясь не появляться в тех местах, где его могли бы сфотографировать.

– Я опять поменял отель, – сказал Свэггер и продиктовал новый адрес. – Теперь живу ближе к центру, и мне легче ловить такси. У меня кончаются наличные, скоро придется пользоваться кредитной картой.

– Ладно, слушай меня внимательно, – сказал Ник. Его тон посерьезнел, в нем послышались начальственные нотки. – Я хочу, чтобы ты оставался в отеле. Ни в коем случае не показывайся в городе. Не вынуждай меня посылать за тобой автомобиль и брать тебя под защиту. Пожалуйста, выполни мою просьбу. Ради собственного благополучия.

– Что случилось?

– Возможно, это не связано с нашим делом. У меня нет никаких свидетельств того, что существует какая-то опасность, но мне это не нравится. Вчера из гаража в Форт-Уорте был угнан черный «Додж Чарджер», совершенно новый, полусферические камеры сгорания,

двигатель триста семьдесят лошадиных сил. Автомобиль такого же типа сбил в Балтиморе писателя.

– Итак, он здесь, – сказал Свэггер. – И охотится на меня. Ему сообщил либо Ричард, либо некто, кто следит за Ричардом и знает то, что знает он. И кто бы то ни был, ему не нравится версия скорости. Видишь, Ник, вот тебе и доказательство того, что это связано с убийством Кеннеди.

– Ничего подобного. Это лишь доказывает то, что угнан автомобиль. Возможно, его сейчас разбирают на части в каком-нибудь автосервисе или перегоняют в гараж картеля «Зета»¹⁸ в Ногалесе, а может быть, на нем гоняет пара пьяных отмороzków с куриным кормом вместо мозгов. Все эти варианты более вероятны, чем вариант угона, совершенного тем самым киллером, если он вообще существует.

– Спроси Джеймса Эптэптона, существует он или нет.

– Как бы то ни было, я настаиваю на том, чтобы ты оставался в отеле. Будешь отдыхать, заказывать в номер пиццу и китайскую еду, смотреть телевизор и все такое прочее. Тем временем я сформирую оперативную группу. Хочу привлечь к этому делу «Даллас Метро» и, может быть, «Тэксис Хайвэй Патрол», поскольку у них имеются автомобили. Мы придумаем, как использовать тебя в качестве приманки. Когда он решит, что ты в его руках – если, конечно, он существует, – мы возьмем его. Думаю, ему есть что рассказать.

– Судя по всему, это профессионал. Он ничего не расскажет. Будет тянуть время в надежде, что сообщники отобьют его при первом удобном случае, не в этом году, так в следующем. Эти ребята связаны с мафией, и такова цена, которую они платят за девочек, кокаин и репутацию крутых парней. Своим присутствием здесь он уже сказал тебе все, что только мог.

– Перспектива десяти лет в Хантсвилле и пожизненного заключения в Хагерстауне может развязать ему язык.

Боб вздохнул:

– Ты рассуждаешь как юрист. Все решают связи. Иногда достаточно послать сообщение, и тебе помогут.

– Боб, я прикажу посадить тебя в камеру, если ты будешь нести всякую чушь. Тебе придется играть по нашим правилам. Дело серьезное, и если ты будешь изображать ковбоя, это может плохо кончиться.

Свэггер видел, что Ник блефует. Все не так. Мертвый профессионал – такой же трофей, как и живой, особенно если секретные агенты ФБР будут охотиться на него под контролем со стороны Ника. И кто бы он ни был, его личность послужила бы главным свидетельством и указала бы, каким должен стать следующий шаг.

– Ты даешь слово?

– Пожалуйста, пообещай мне, что это не затянется надолго.

– Это займет определенное время, поскольку необходима координация действий между ведомствами. Если ему нужен ты, он никуда не денется. Мы пока еще не нашли его. Я поставлю сети вокруг Ричарда и посмотрю, не объявится ли он. Когда он попадет к нам в руки, мы перейдем к следующему шагу. Таким образом, мне нужно время. И твоё терпение снайпера.

– Он клюнет на это через две секунды.

– Ради бога, ты...

– Будет поздно – ни автомобильного движения, ни пешеходов. Завтра ночью, рядом с Дили-Плаза, в какой-нибудь аллее. Он любит аллеи. Подготовь группу, которая сможет быстро оказаться на месте преступления. Это будет твой успех.

¹⁸ Могущественный преступный мексиканский синдикат.

– Или твоя смерть.

– Этот парень переехал благопристойного человека, который не делал ничего иного, кроме как платил налоги и занимался образованием своих детей. Сломал ему в аллее позвоночник. Теперь посмотрим, как он проделает этот трюк с достойным соперником. Не буду обманывать тебя, Ник. Я не собираюсь сидеть в этом чертовом отеле, есть китайскую еду и в десятый раз перечитывать книги. Это не в моем характере. Я по натуре охотник.

– Я не могу санкционировать это, – сказал Ник.

– Я являюсь твоим секретным агентом. Ты пожнешь все лавры.

– Все, разговор окончен. Я не могу дать на это согласие.

– Так что, ты мне не поможешь в случае необходимости?

В трубке раздался вздох разочарования, за которым последовали короткие гудки.

Свэггер подошел к шкафу, вытащил из-за запасного одеяла свою дорожную сумку и достал из нее «кимбер.38 супер» из нержавеющей стали. На него оказывали умиротворяющее воздействие знакомые линии пистолета, сконструированного в 1911 году Джоном М. Браунингом, с его рукояткой под углом 23 градуса, плоскими формами, плавно скользящим спуском, гениальной эргономикой в плане надежности, созданного в мире, в котором такое слово еще не знали. Его курок был взведен – иначе какой смысл иметь пистолет, если из него нельзя быстро выстрелить? Свэггер знал, что девять патронов «+Р винчестер» весом сто тридцать гран уже находятся в магазине, а десятый – в патроннике. Эти пули имели начальную скорость четыреста метров в секунду и, пробив лист стекла или металла, не отклонялись от заданной траектории. Пистолет имел идеальную ширину и соотношение длин рукоятки и ствола, благодаря чему, когда он оказывался в руке, прицеливание осуществлялось естественным образом. Боб прикрепил к ремню свою минималистическую скрытую кобуру для быстрой стрельбы, позволявшую молниеносно выхватывать пистолет, и подсумок с двумя магазинами, затянул ремень и вложил пистолет в кобуру так, чтобы тот располагался в семи сантиметрах над бедром и плотно прилегал к телу.

Пальто цвета хаки скрыло его под собой. Боб положил в карман свой счастливый доллар, состоящий из четырех монет по двадцать пять центов, приклеенных к полоске клейкой ленты. В кармане явственно ощущалась тяжесть монет, но, когда ему нужно было выхватить пистолет, рука ударяла по ним, и под их весом лапа пальто оттягивалась, облегчая процесс извлечения оружия.

Затем он позвонил Ричарду и сказал, что ему необходимо встретиться с ним этим вечером в одиннадцать, на скамейке возле здания Техасского книгохранилища.

Глава 07

Два человека сидели на скамейке возле поблескивавшего пруда. Фасад здания Техасского книгохранилища был хорошо освещен, и в отражавшемся от него свете их фигуры смотрелись отчетливо. От зорких глаз русского не ускользала ни одна деталь. Для него не составляло труда отличить цель от приманки. Целью являлся высокий угловатый старик. Несмотря на расслабленную позу, можно было заметить, что он держится настороже. Русский подумал, что с ним наверняка будет больше возни, чем с последним клиентом, той грудой пудинга в аллее.

Русский припарковался в неосвещенном месте на Хьюстон-стрит, напротив Книгохранилища. Он имел хороший угол обзора – и оставался невидимым для них. Старик ни разу не повернул головы, в его теле не чувствовалось напряжения, он не делал глотательных движений и не облизывал губы. Ничего, что могло бы сказать, будто он сильно встревожен. Он говорил с убежденностью и внимательно выслушивал собеседника.

Беседа явно близилась к концу. В скором времени старик поднимется со скамейки, и куда бы он ни направился, русский последует за ним на некотором расстоянии. Главное – правильно рассчитать время. Автомобилей в центре города в это время практически не было. Сканирование радиоэфира на соответствующих частотах свидетельствовало об отсутствии поблизости полиции.

План таков: после того как он перейдет на другую сторону улицы и двинется вперед вдоль квартала, дожидаться его у следующего перекрестка с выключенными фарами. Подойдя к перекрестку, старик посмотрит направо и налево, возможно, подождет, когда загорится зеленый свет, хотя улица пуста, и начнет переходить ее. Нужно определить угол перехвата, нажать на акселератор и нанести хороший удар. «Додж» разгонялся от нуля до ста километров в час за три и семь десятых секунды. К моменту столкновения скорость достигнет ста десяти километров в час. В последнюю секунду, когда он повернет голову на шум, нужно ослепить его светом фар, чтобы он потерял ориентацию в пространстве и застыл на месте. У него не будет времени среагировать.

Русский ждал, сидя в притаившемся в тени темном автомобиле. Мимо проехало такси, которое направлялось в сторону светившегося огнями и гремевшего музыкой Вест-Энда, изобиловавшего потенциальными пассажирами. По обе стороны от него высились два темных квадратных кирпичных здания. Что это за здания, он не имел ни малейшего понятия.

– Похоже, ближе всех к этому подошел Донахью, – сказал Ричард. Они сидели на залитой светом скамейке, словно на сцене в лучах рамп, под раскидистыми кронами дубов, обрамлявших пруд. Холодный ветер шевелил листья, и они перешептывались в ночи, создавая идеальные условия для конфиденциальной беседы.

– В конце он доходит до помешательства, – продолжал Ричард, – но это логичное помешательство. Он попытался найти ответ на ваш вопрос: почему третья пуля взорвалась? Его ответ заключается в том, что агент спецслужб, ехавший сзади, поднялся после второго выстрела с сиденья и случайно выстрелил из совершенно нового для 1963 года оружия, называемого AR-15 – я не знаю, что это такое. Эта пуля и сразила Кеннеди.

– Эта пуля с тонкой оболочкой, высокоскоростная, калибра 5,56 мм, выпущенная с близкой дистанции, вела себя иначе, нежели куда более тяжелая пуля «манлихер-каркано» 6,5 мм, на дистанции в шесть раз длиннее. И она действительно должна взорваться в силу конструктивных особенностей?

– Да.

Свяггер тяжело вздохнул.

– Вам что-то не нравится?

– Трудно поверить, во-первых, что агент мог выстрелить из винтовки необычного вида на глазах у тысяч людей, и никто из них не увидел и не услышал этого; и, во-вторых, что ствол этой винтовки совершенно случайно оказался направленным прямо в голову президента.

– В этой версии действительно много натяжек. Лично мне она представляется неубедительной.

– Насколько я понял, он провел тщательный анализ пули «манлихер-каркано» и пытался найти объяснение поведению третьей пули. Эта AR-15, которая впоследствии получила название М-16, казалось бы, все объясняет, и наверняка там присутствовала, но он не понял, что она поднимает больше вопросов, нежели дает ответов.

– Согласно свидетельским показаниям, некоторые люди, находившиеся на Дили-Плаза, чувствовали запах сгоревшего пороха. И это могло бы послужить объяснением, почему правительство окружило убийство Кеннеди завесой тайны и почему оно не признало, что президент погиб от руки агента спецслужб.

– В это невозможно поверить. Действительно, несчастные случаи с участием огнестрельного оружия нередко происходят в результате аномалий – например, пуля калибра .45, которая никогда прежде не распадалась на две части, неожиданно распадается или рикошетирует по траектории, которая никогда прежде не наблюдалась. Такое случается. Но в данном случае имеют место сразу две аномалии, по одной с каждой стороны от цели, на глазах тысяч свидетелей, и никто их не замечает.

– Согласен, много нестыковок. И все же вам следует прочитать книгу и посмотреть, какие выводы можно сделать из первых ста страниц. Мне кажется, это согласуется с вашей идеей, насколько я ее понимаю и могу о ней судить.

– Замечательно, Ричард.

– Для чего вы хотели встретиться со мной? Не для того же, чтобы услышать мое мнение. Я думал, у вас что-то срочное.

– Эти мысли не дают мне покоя. И вот мне в голову пришла еще одна. Она связана с углами.

– А что у нас с углами?

– Это очень странно. Дилетанты считают, что все дело в дистанции. Близкая дистанция – стрелять легко, дальняя дистанция – стрелять трудно. Это неверно, и особенно это неверно, когда речь идет о стрельбе с поправкой.

– С поправкой? No comprendo¹⁹.

– Стрельба по движущейся мишени. Необходимо определить угол, выстрел под которым поразит ее. Пуля должна попасть в то место, где окажется мишень. Такое впечатление, что никто из тех, кто писал об убийстве Кеннеди, никогда не стрелял по летящей утке. Поэтому все это не более чем предположения и интуитивные догадки.

– Хм, – произнес Ричард. – Интересно. Ну, хорошо, что вы хотите сказать?

– Я хочу спросить вас. Вы действительно считаете эту версию достойной внимания? Видите в ней какой-то смысл? На мой взгляд, она лучшая из всех, которые мне известны. Но как я проверю ее? Имеет ли она какую-либо связь с чем-то еще? Думал ли кто-нибудь другой об этом подходе?

– Джек, мне нравится ваш энтузиазм и ваша готовность обсуждать это. – Ричард взглянул на часы. – Десять минут первого. Для меня эта версия слишком необычна, и мне трудно обсуждать ее экспромтом.

– Мне казалось, у вас фотографическая память.

¹⁹ Не понимаю (исп.).

– Мне тоже так казалось. Вы испытываете ее возможности. Позвольте мне все это обдумать и, может быть, проверить. У меня, помимо всего прочего, есть еще и работа, как вам известно. Тем более что уже поздно, а я уже больше не маньяк, как вы. Обыкновенный человек и нуждаюсь во сне. Я все проверю, позвоню вам через несколько дней, и мы встретимся. Хорошо?

– Договорились. Извините меня за то, что так задержал вас.

– Вас подбросить куда-нибудь?

– Нет, я поймаю такси. Спасибо вам за то, что возитесь со мной, хотя и не подаете вида. Ваша мать вырастила достойного сына.

– Благодарю вас, Джек. Я знаю, что мне не удастся уговорить вас воспользоваться моим автомобилем. Итак, жду вашего звонка.

Они поднялись, обменялись рукопожатием и разошлись, окунувшись в темноту.

Русский наблюдал за людьми, поднявшимися со скамейки. Старик пересек Хьюстон-стрит и направился в сторону высоких зданий центра города. Он прихрамывал, как будто ему когда-то всадили пулю в бедро. За этим наверняка крылась какая-нибудь история. Хромота заметно сказывалась на скорости его передвижения, и русский поморщился, представив, какой дискомфорт старик испытывает при ходьбе. Когда его фигура скрылась за углом здания, он выждал еще двадцать секунд, затем включил фары, медленно выехал на Элм-стрит и повернул налево. Русский увидел, что старик уже проковылял полквартала. Казалось, он погружен в свои мысли, и его совершенно не заботило, что происходит вокруг.

Убийца идеально рассчитал время. Он старался не смотреть на старика, зная, что некоторые люди обладают даром чувствовать обращенный на них взгляд. Догнав его в тот момент, когда он достиг угла, русский повернул налево. Он проехал на скорости меньше пятидесяти километров в час до следующего квартала, повернул за угол, смутно осознав, что находится на трамвайных путях Пасифик-авеню. За три секунды разогнался до ста километров в час, нашел идеальный угол и, почти не снижая скорости, повернул еще раз направо, примчался к перекрестку, оказавшись метрах в тридцати впереди него, остановился и выключил фары. Все шло как по маслу.

Оставалось только ждать. Время на охоте тянется порой очень медленно. Наконец он увидел жертву, все так же с трудом передвигающуюся забавной стариковской походкой, и улыбнулся, что случалось с ним крайне редко.

Русский обладал способностью моментально рассчитывать угол перехвата. Он не нажал педаль ни после первого шага старика по проезжей части, ни после второго. У него имелось время для того, чтобы удостовериться в отсутствии поблизости других автомобилей. После третьего шага старика, получив команду из глубин мозга, он включил первую передачу, манипулируя ручкой с ловкостью виртуоза, и спустя долю секунды переключил на вторую, после чего триста семьдесят лошадей, взревев, полетели галопом вперед. Все вокруг заполнилось низким гулом двигателя, пожиравшего бензин и мгновенно трансформировавшего его в скорость. Автомобиль с ужасающей силой рванулся вперед, превращая четкие очертания реальности в размытые контуры.

Свэггер держал пистолет в руке, опущенной вдоль правой ноги, невидимый благодаря комично преувеличенной хромоте. Не теряя времени на удивление, сожаление и раздумье, он повернулся изящным движением истинно американского стрелка и, оценив ситуацию в течение десятой доли секунды на уровне подсознания, вскинул пистолет и прицелился в ветровое стекло автомобиля со стороны водителя. Раздался выстрел, и стекло тут же затуманилось сетью микротрещин. Автомобиль вильнул вправо, перепрыгнул через бордюр тротуара и проскрежетал красивым черным блестящим боком по стене здания, оставляя за собой сноп

искр, шлейф мелкой каменной крошки и осколков стекла разбитых витрин. Его капот изогнулся и скрутился, подобно горящему листу бумаги. В конце концов он остановился, превратившись в грудку искореженной стали, из которой били струйки бензина и поднимались столбики дыма.

Наступила тишина. Свэггер сунул пистолет в кобуру и достал мобильный телефон.

– Мемфис, – услышал он в трубке.

– Я нахожусь на пересечении Элм-стрит и Норт-маркет. Он врезался в здание. Прохожих не было. Все чисто. Пришли сюда как можно быстрее своих людей и вывези меня из города к чертовой матери.

– Что с ним случилось? – спросил Ник.

– Прихвати мешок для трупа, – ответил Свэггер.

ЧАСТЬ 2

Москва

Что это такое, пока до конца не ясно

Глава 08

Над Утопией сгустились сумерки. По улицам прогуливались парочки, играли дети, бегали с лаем собаки. В парке, находившемся неподалеку от Украинского бульвара, беседовали сидевшие на лавочках интеллектуалы. Их лица излучали счастье, как у людей, которые счастливы тем, что они являются теми, кем являются, что они находятся там, где находятся, что они живут в то время, в которое живут. Судя по всему, их девизом вполне могли бы стать слова: «Жизнь – это хорошо».

Постепенно начали загораться огни – больше для красоты, нежели в каких-либо иных целях, ибо на этой урбанистской игровой площадке не было преступности, царила почти полная занятость, взимались низкие налоги. Темнота на время скрыла буйство строительной техники – скопления бульдозеров, экскаваторов и кранов. Днем Москва перестраивалась – уже примерно в тридцатый раз за свою долгую и запутанную историю; на сей раз – под влиянием развивавшегося капитализма. Людям приходилось смотреть в оба, дабы не оказаться раздавленными строительными машинами и не попасть под колеса сверкающих «Феррари», пронесившихся по брусчатке со скоростью сто пятьдесят километров в час. Через каждые двести-четыре метра стояли пятиметровые каменные и металлические люди в длинных шинелях, касках времен Второй мировой войны, с автоматами с круглыми дисками в гангстерском стиле. Казалось, они были не вполне уверены в том, стоило ли сражаться и погибать за то, что разворачивалось перед их глазами²⁰.

Между двумя девятиэтажными банками в жилом комплексе по адресу Кутузовский проспект, 7, в окружении деревьев, располагался ресторан «Хачапури». Он специализировался на шашлыках. Когда их подавали, кусочки мяса еще были покрыты кипящими каплями жира. Их аромат вызывал ассоциации с казачьим лагерем на берегу Дона после успешного сражения с царскими войсками, где-нибудь в 1652 году. В самом ресторане было что-то от казачьего лагеря – открытое заведение с тентами, а в находящемся через дорогу здании размещались кухня, бар и зал для представителей нового поколения, жаждущих водки, закуски и компании, чем заведение обеспечивало их в изобилии.

Свэггер, разумеется, не мог позволить себе выпить водки, поскольку знал, что иначе очутится в Сибири с новой женой-узбечкой и девятью детьми, покрытый причудливыми татуировками. Он в одиночестве сидел в баре, пил кока-колу и внимательно наблюдал за происходящим вокруг, не испытывая особого желания принять в этом участие. Что-то удерживало его. Вероятно, история – его собственная, а также его страны и культуры.

Ему было трудно поверить, что его воспитывали в ненависти ко всем этим людям, которые оказались такими замечательными, энергичными и счастливыми. «Эй, ребята, – думал он, – как здорово, что мы не нанесли по вам ядерный удар году этак в семьдесят седьмом. Это стало бы большой ошибкой».

²⁰ Здесь и далее полностью сохранено авторское представление о России, почерпнутое им, по-видимому, из американской бульварной прессы и анекдотов. Но, к его чести, нужно отметить, что медведей, разгуливающих по улицам Москвы и играющих на балалайках, в тексте обнаружить не удалось.

Это его второй день в Москве. В первый день, выйдя из своего номера в отеле «Метрополь», Боб бродил по Красной площади и прилегающим к ней районам. Его изумляла искренне радостная атмосфера, царившая в городе, несмотря на пыльные улицы и множество ветхих строений. Первые этажи сталинских домов, с их суровой архитектурой, проникнутой воспоминаниями о пролитых здесь слезах и крови, занимали магазины, в которых продавались всевозможные товары – от продуктов и парфюмерии до дизайнерской одежды и роскошных автомобилей. На горизонте небо пронзали новехонькие небоскребы из стали и хрома, как в Далласе, возвышавшиеся над убожеством пятиэтажной застройки – символом ушедшей в прошлое эпохи коммунизма. Настоящий город золотой лихорадки, несмотря на преклонный возраст и кровавую историю. Ему никак не удавалось прочувствовать подлинный ритм его жизни.

И тут он увидел ее. Она напоминала энергичную, уверенную в себе журналистку. Не чувствовалось ни претенциозности, ни стремления произвести внешний эффект. Прическа в американском стиле, тонкая ирония во взгляде. Одета в брюки и черную тенниску, что соответствовало теплой погоде и не выделяло ее среди публики.

– Миссис Рейли? Я Свэггер.

– О, – произнесла она, – сам великий Свэггер. Рада познакомиться с героем. – Они обменялись рукопожатием и натянутыми улыбками. Оба испытывали легкое смущение.

– Я всего лишь потрепанный жизнью старый козел, пытающийся не утонуть в этом море картофельного сока.

– Русские выдавливают прекрасный картофельный сок²¹. Пойдемте, я заказала для нас столик.

Он двинулся вслед за ней в сторону метрдотеля, и тот провел их мимо тентов, под которыми посетители предавались возлияниям, чревоугодию и веселью, к уединенному маленькому столику в углу заведения, откуда открывался вид на обширную парковую зону, где прогуливались и отдыхали люди.

– Не заметили за собой слежку? – спросил Свэггер.

– Как интересно, – сказала она. – Никто раньше не задавал мне подобных вопросов. Нет, я ничего не заметила. Русские больше не следят за американскими репортерами. Теперь их больше занимают деньги.

– Да, я слышал. А что можно купить в Москве?

– Все, что угодно.

– А как насчет аренды? – спросил Боб. – Я хочу арендовать на ночь Лубянку.

Она рассмеялась.

– Удачи вам. Должно быть, вы знакомы с олигархами.

– Поскольку мне неизвестно, кто такие олигархи, затрудняюсь сказать, знаком ли я с кем-нибудь из них. Кстати, кто это? Я видел это слово в англоязычной газете.

– Толстосумы. Воротилы бизнеса, миллиардеры, демонстративные потребители. Преимущественно бывшие сотрудники КГБ. Когда в 1993 году Ельцин демонтировал государственную экономическую систему, они, пользуясь приятельскими отношениями с ним, прибрали к рукам все богатства страны. Теперь они ездят на отделанных золотыми пластинами лимузинах, женятся на стюардессах, покупают американские спортивные команды и фактически руководят государством. Абрамович, Кралов, Алекперов, Вексельберг, Иксевич. Один из них женат на дочери Ельцина. Уилл и я писали о них. Потанин, Таркио и другие, не могу вспомнить всех.

– Я их все равно не запомню. Они для меня звучат одинаково. Очень мило с вашей стороны, что вы согласились со мной встретиться.

²¹ Автор ошибочно полагает, что русскую водку делают из картофеля.

– Ну а как же иначе? Я навела кое-какие справки, и если хотя бы половина этих слухов является правдой, это все равно что встретить Джона Уильямса, Теда Уильямса и Эдди Мэрфи в одном лице. Кроме того, ваша дочь называет вас плюшевым медвежонком.

Именно она, Никки, работавшая репортером на телевидении в Вашингтоне, устроила ему встречу с Кэти Рейли, корреспондентом «Вашингтон пост» в Москве.

К столику подошла официантка, и Кэти ознакомилась с меню, включавшим в основном мясо – обычное, не совсем обычное и совсем необычное. Естественно, она заказала мясо.

– Ведь вы работали на ФБР, не так ли?

– Отчасти. Так думает Никки, и так думают русские. Но они к тому же думают, что меня зовут Джерри Хоумэн и что я специальный агент. У меня есть все необходимые верительные грамоты, подтверждающие это. Во время встречи с человеком из нашего посольства, имеющим связи с Госдепом и ФБР, он принял меня за того, кем я представился.

– Прямо шпионские страсти. Это становится занятным. А какова цель вашего приезда, если не секрет?

– Если говорить коротко, меня попросили расследовать гибель в Балтиморе одного человека под колесами скрывшегося затем автомобиля. Незадолго до этого он вернулся из Далласа, где задавал острые вопросы. Я отправился туда и тоже задал эти острые вопросы. И там меня тоже кто-то попытался переехать на автомобиле.

– Судя по всему, ему это не удалось.

– К счастью, у меня есть знакомый в ФБР, с которым мы когда-то работали вместе, и он согласился использовать меня в качестве тайного агента на контрактной основе для расследования данного дела. Это, конечно, шито белыми нитками, но тем не менее сработало. Потом оказалось, что этот тип, который пытался убить меня, представляет собой неплохой, если так можно выразиться, трофей. Русский мафиозо, связанный с организацией, которая здесь называется *из-май-лав-ская* преступная группировка.

– Как интересно!

– Здорово, правда?

– Очень здорово.

– Интерпол разыскивал этого деятеля по всей Европе. Российская полиция – тоже, поэтому он перебрался на Кони-Айленд, где находится их аванпост, где получал заказы на убийства. Я приехал сюда, чтобы выяснить, на кого он работал. Меня интересует, кто конкретно – здесь или в Нью-Йорке – поручил ему убить того человека из Балтимора и меня и по какой причине. Через несколько дней у меня должна состояться встреча с одним из высших криминальных авторитетов, и я попытаюсь кое-что разузнать.

– Вам не следует слишком близко сходить с ребятами из измайловской группировки, поверьте мне.

– Я всего лишь задам несколько вежливых вопросов и удалюсь восвояси. У меня нет нужды ввязываться в местные дела.

– Это правильно. Скажу вам – но вы от меня этого не слышали, – что олигарх Кралов, по слухам, наиболее тесно связан с измайловскими. Его враги исчезают или погибают под колесами автомобилей, которые потом никто не может найти.

– Кралов, – произнес Свэггер, стараясь запомнить эту фамилию.

Тем временем официантка принесла заказ – разумеется, мясо, декорированное некими подозрительными овощами, которые Боб не решился попробовать, и суп, тоже не вызвавший доверия. Мясо он съел с удовольствием, хотя так и не понял, какому животному оно принадлежит и как это животное приняло свою смерть.

– Очень вкусно, – сказал он.

– Никки просила, чтобы я проявила к вам внимание. Случается, здесь бывает очень даже неплохо. Мой муж сейчас в Сибири – нет, не я его туда отправила, он освещает нефтя-

ную конференцию, – и у меня бывает свободное время. Так что я могу показать вам город, познакомить с людьми, если хотите.

– Не уверен, что вам следует появляться в моем обществе. Это серьезные люди. Поэтому я и попросил вас встретиться со мной в темное время суток, поближе к дому и в шумном, многолюдном месте.

– Вы думаете...

– Не знаю. Но мне известно, что тот, кто сует нос в дела русской мафии, может неожиданно умереть. У меня имеются некоторые навыки, которые помогут мне выбраться из опасной ситуации, но я сомневаюсь, что вам – если только вы не прошли подготовку по программе «морских котиков»²² – удастся это сделать.

– Я постараюсь.

– Никки сказала, что вы хорошо говорите по-русски, и еще лучше читаете.

– Могу свободно общаться с людьми на улице, а читаю как на родном языке.

– Я хочу раздобыть кое-какие записи, и прежде, чем что-то копировать, мне нужно понять, стоит ли это хоть что-нибудь. Надеюсь, вы прочтете их для меня или хотя бы просмотрите. Постараюсь устроить это таким образом, чтобы никто ничего не узнал и вы не подверглись опасности. Это возможно?

– Думаю, да. А что вы ищете?

– Русского Джеймса Бонда, – ответил Свэггер, – действовавшего в 1963 году. Я чувствую его. Вижу его талант, его воображение, его волю, его решительность, его изобретательность. Суперагент, который, возможно, провел в 1963 году операцию века. Я приехал в Москву из-за него.

Это была еще одна коробка, гораздо более крупная. Никакого кирпича, нечто вроде желтой штукатурки, десять этажей, декоративные элементы, характерные для конца XIX и начала XX века. Крыша, усеянная антеннами. Расположенное недалеко от Красной площади здание занимало в длину почти целый квартал.

– Это оно? – спросил Свэггер.

– Оно самое. Источник зла, коварства, насилия, убийств, заговоров, предательства, мучений. Едва ли кто-нибудь захотел бы вызвать гнев людей в этом здании.

– Понятно.

– Атмосфера там совсем не военная, – сказал Михаил Стронский. – Сплошные шпионские игры и издевательства над людьми.

Сначала здесь располагалась штаб-квартира царской полиции²³, затем – ЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, МГБ и КГБ, а теперь ФСБ. Во время чисток многих людей, живших в роскошном отеле Свэггера, «Метрополе», где содержались оппозиционеры и инакомыслящие, привозили сюда и убивали в подвалах выстрелом в затылок. Никто не знает, что потом делали с телами казненных. Может быть, они до сих пор остаются там.

– Наверное, все-таки трудно ненавидеть здание.

– С этим никаких проблем.

Стронский был грузным коренастым мужчиной с сердитым лицом, вызывавшим ассоциацию с картой, на которой были изображены неудачи Восточного блока. Из-под копны его седоватых волос смотрели холодные глаза. Глядя на него, можно подумать, что он способен раздавить пальцами алмаз. Стронский одной со Свэггером профессии, но его воинское под-

²² Разведывательно-диверсионное подразделение ВМФ США.

²³ «Штаб-квартира царской полиции» никогда не располагалась – да и в принципе не могла располагаться – в Москве, в зданиях на Лубянской площади. Оба дома принадлежали страховому обществу «Россия», были построены на его деньги и использовались в качестве доходных домов, т. е. сдавались внаем различным торговым компаниям, а также частным лицам.

разделение называлось «спецназ», и практиковался он в своем искусстве в Афганистане – пятьдесят шесть трупов.

Американский автор, пишущий об оружии, который приехал в Россию, чтобы написать о новой русской снайперской винтовке КСВК калибра 12,7 мм, разыскал его и взял интервью. Свэггер прочитал его, обратился к автору за адресом электронной почты и рекомендацией и связался через океан со своим коллегой, таким же мастером проникновения в тыл противника и попадания в цель с одного выстрела, который многое знал об определенных предметах, но не хотел об этом говорить. Стронский слышал о Свэггере – в конце концов, земной шар не так уж и велик. У них много общего. Оба убивали во имя целей, которые впоследствии представлялись им сомнительными, и потеряли немало боевых друзей. И их ремесло все еще было востребовано.

– А это что за женщина? – спросил Стронский.

– Она не из нашего мира, что мне нравится. Умная. Все правильно понимает. Я не стал рассказывать ей все. Она читает на вашем языке, как на родном...

– Она мне уже нравится.

– ... и чрезвычайно толковая. Будет хорошо, если мне удастся внушить ей, что она не подвергается никакой опасности. Как и у всех американцев, это здание наверняка вызовет у нее страх.

Они сидели в изысканном ресторане, по иронии судьбы носившем название «Шпион» и находившемся на площади Дзержинского, в двухстах пятидесяти метрах от Лубянки. Их столик стоял на балконе четвертого этажа. Они ели блины с икрой и тонкими ломтиками копченого лосося. Стронскийпил водку, Свэггер – воду.

– Мы тоже с опаской относимся к этому зданию. В Афганистане один мой товарищ, Тиболотский, хороший малый, классный наблюдатель, работавший со мной, смелый до отчаяния, высказал однажды сомнение в целесообразности этой войны. Он участвовал в ней и имел на это полное право, разве нет? Кто-то донес в КГБ, и парень исчез. Ради чего он храбро сражался, чтобы потом оказаться в камере, или хуже того? Вот почему я так ненавижу этих проклятых ублюдков.

– Политики всегда были засранцами, – сказал Боб. – Я тоже однажды потерял наблюдателя, и виноваты в этом чертовы политики. Какую страну ни возьми, везде политики оказываются засранцами.

– Это точно, – согласился Стронский.

– Вы обо всем договорились?

– Да. Деньги у вас с собой?

– В ботинке. Вы доверяете этому человеку?

– Доверяю. Не потому, что он смел, а потому, что в Москве коррупция – это такой же бизнес, как и любой другой. Не продаст секрет он – это сделает его конкурент. В конце концов, этот подполковник торгует не своей честью, которой у него, разумеется, нет.

– Если Стронский говорит «да», я тоже говорю «да», поскольку доверяю ему.

– Я такой же, как и все они. Мне просто приятно оказать услугу собрату-снайперу, не более того.

– Спасибо.

– Теперь суньте руку под стол и возьмите.

– Взять что?

– Увидите.

Свэггер сунул руку и взял то, что ему передал Стронский. На ощупь это было похоже на «Глок 19» с 3– или 4-дюймовым стволом, не 1911, но тем не менее довольно мощный пистолет, обладающий внушительной убойной силой. Затвор-кожух изготовлен из стали, правда, с керамической отделкой для придания матового блеска и повышения долговечности; корпус

– из какого-то суперполимера. Не вынимая пистолет из-под стола, Боб осторожно рассмотрел его. Темный и тупоносый, без предохранителя. Он принадлежал к более современному поколению, нежели флегматичный тевтонский «глок», и его эргономика выглядела лучше. Боб повернул его и увидел маркировку на кириллице, под которой на затворе-кожухе была надпись на английском: IxGroup, 9mm. Свэггер заткнул его под ремень за бедром под пальто.

– У меня есть враги. Возможно, через меня они доберутся и до вас. В Москве полным-полно опасных людей, и вычислить их сразу невозможно. Этот пистолет только что украден с завода, у него нет серийного номера. В случае необходимости используйте его и тут же от него избавьтесь. Его происхождение невозможно проследить.

– Это не «глок»?

– ГШ-18. Это лучше, чем «глок». 18-зарядный магазин, двойного действия. Из Инструментального конструкторского бюро КРВ в Туле. Произведен компанией «Иксгруп», владельцем которой является Иксевич, один из наших новоявленных олигархов.

– Я уже слышал это имя.

Они договорились о дальнейших действиях.

Не полюбить «Метрополь», этот знаменитый старый отель, где остановился Свэггер, просто невозможно. Имевший богатую историю, он имел и роскошные апартаменты, возможно, восстановленные до уровня их дореволюционного шика. Всюду сверкала латунь и отливал матовым блеском мрамор. Интерьеры изобиловали изысканно одетыми людьми. Даже обосновавшиеся в баре проститутки принадлежали к высшей категории.

Но Свэггер попытался увидеть отель таким, каким тот был в 1959 году, когда на несколько недель дал приют меланхоличному Ли Харви Освальду, пока русские соображали, что с ним делать. В ту эпоху, предшествовавшую падению коммунизма и проникновению финского капитала, отель, по всей вероятности, был унылой дырой, пропахшей капустой, водкой и канализационными стоками. Такая обстановка идеально соответствовала моральному состоянию человека с безрадостным прошлым и туманным будущим, который за короткую жизнь еще ни на кого не сумел произвести впечатления.

Оказавшись в его номере, Свэггер обнаружил, что Освальд все еще присутствует там. Он не мог избавиться от ощущения, что этот маленький, жалкий человечек, излучавший злобу и уязвленное самолюбие, всюду следует за ним по этой ныне шикарно обставленной комнате, ставшей в более мрачную пору жилищем потенциального перебежчика.

Не имело смысла задаваться вопросом почему. Единственный вопрос, которым следовало задаваться, – как.

Не нужно воспринимать его как человека, внушал себе Свэггер. Нужно воспринимать его как анонимный сервомеханизм, который сделал то, что сделал, и нужно понять, каким образом он сделал это. Не просто же он проснулся однажды, исполненный решимости убить президента. Сошлось слишком много факторов, и вопросы требовали ответов.

Свэггер пожалел, что у него нет водки и сигарет. Наверняка многие люди провели не одну трудную ночь в «Метрополе», подкрепляя себя водкой и сигаретами. Может быть, среди них был и Освальд – пока русские решали его судьбу.

Мелкий негодяй. Кто мог бы подумать? Не нужно думать об этом, снова приказал себе Свэггер. Нужно думать только о том как.

Не следует тратить время на размышления о его ничтожной, противоречивой личности, достойном сожаления воспитании, проблемах с учебой, поведением и общением, длинной цепи неудач, соблазнах, тщеславии, нарциссизме. Любой, ознакомившись с биографией Ли Харви Освальда, мог бы прийти к выводу, что он относится к тем самым ленивым бездарностям, готовым поменять свое никчемное, серое существование на всемирную злоедающую славу.

Необходимо сосредоточиться на вопросе, как он это сделал. А мог ли он сделать это вообще?

Свэггер попытался установить с ним контакт через посредство того единственного, что связывало их, – того, что Освальд ненавидел, а он любил: Корпуса морской пехоты США. В конце концов, парень был тренированным стрелком, о чем свидетельствовали документы, в особенности в положении сидя – близком к тому, из которого он произвел выстрел из окна Книгохранилища. Близком, но не в точности таком же: разные условия, разные углы, разные задействованные мышцы. И хотя некоторые навыки не зависят от положения, из которого производится выстрел, другие зависят. При прохождении подготовки, длившейся пять лет, он имел дело только с винтовкой М-1 «Гаранд» с обычным прицелом. Свэггер помнил свою М-1 – даже ее серийный номер, 5673326 – изделие компании «Харрингтон и Ричардсон». У Освальда примерно такая же: весом четыре килограмма триста граммов, полуавтоматическая, с хорошо откалиброванным прицелом, с сильной отдачей и не требующая никаких манипуляций между выстрелами. В Корпусе морской пехоты хорошо прививали основы обращения с огнестрельным оружием.

Свэггер предполагал, что Освальд овладел базовыми основами: устойчивое положение, твердая опора, обращение с ремнем, концентрация на прицелах, плавное нажатие на спусковой крючок, контроль над дыханием. Было ли этого достаточно? Для одного выстрела – возможно. Но он дал промах при первом выстреле, а не при последнем. Очень странно. Скорее должно быть наоборот, поскольку после первого выстрела приходится все начинать снова. Приходится опять находить нужное положение, опять концентрировать внимание, контролировать дыхание, плавно нажимать на спусковой крючок. Винтовка «манлихер-каркано» с ее дешевым японским прицелом чрезвычайно восприимчива к манипуляциям с ней, поскольку весит значительно меньше, чем М-1, – около двух с половиной килограммов. Затем приходится опять ловить цель в прицеле. И поскольку «Гаранд» не снабжена оптикой, он привык видеть цель периферийным зрением при возвращении винтовки после отдачи в исходное положение для дальнейшей стрельбы. После первого выстрела из «манлихер-каркано» он видит размытое пятно и должен быстро сделать два дела. Во-первых, опять найти нужное положение глаза, чтобы иметь возможность четко видеть им; во-вторых, найти цель, которая, будучи перемещаемой автомобилем, находится уже в другом месте. Тем не менее Свэггеру пришлось признать, что это в основном делается инстинктивно, и сравнительно опытный стрелок, обученный в Корпусе морской пехоты – такой, как Освальд, – должен успешно справиться с этим. Едва ли он произвел выстрел, но это, по крайней мере, возможно. Этого нельзя отрицать.

И все же с прицелом связан целый ворох проблем. Например, эксперт ФБР по стрелковому оружию Роберт Фрэзиер показал, что когда во вторник 27 ноября 1963 года оружие доставили в штаб-квартиру, пластина, соединявшая прицел с винтовкой, очень сильно болталась. Она крепилась к приемнику винтовки только двумя винтами вместо положенных четырех.

Почему прицел болтался? Находился ли он уже в таком состоянии, когда Освальд стрелял? Фрэзиер высказал предположение, что это стало результатом снятия отпечатков пальцев в Далласе: прицел сняли, а потом поленились присоединить обратно должным образом. Однако лейтенанта Карла Дэя, далласского эксперта по дактилоскопии, не опросили по этому поводу, и в каком состоянии он получил винтовку, осталось неизвестным. Было бы странно, если бы он, опытный профессионал, стал разбирать винтовку, поскольку весьма маловероятно, чтобы на узкой полоске металла, которую закрывали кольца прицела, могли присутствовать отпечатки пальцев. В данном случае целостность винтовки имела гораздо большее значение. Столь же маловероятно, что, даже разобрав винтовку, он собрал бы ее так небрежно. Это не в его натуре.

Свэггер знал, что плотность затяжки винтов играет важную роль, поскольку чем слабее закреплен прицел, тем больше он отклоняется от нормального положения в результате отдачи. Даже небольшое отклонение чревато промахом, и поэтому плохо закрепленный прицел делает точную стрельбу практически невозможной.

Эксперты ФБР проверяли винтовку Освальда на точность боя. Согласно тому, что прочел Свэггер, винтовка не могла быть отрегулирована – то есть ее точка прицеливания совпала с точкой попадания – при любых обстоятельствах, в том виде, в каком она была передана экспертам ФБР. Механику пришлось выточить две втулки, называемые «шайбами», которые были установлены в определенном месте между креплением и ствольной коробкой или между кольцом и прицелом для выравнивания последнего под углом, недостижимым без этих втулок. Представляется совершенно невероятным, что без них Освальд мог произвести выстрел в голову.

Баглиози считал это весьма спорным моментом, поскольку Освальд, с его опытом обращения с моделью 38, был привычен к обычным прицелам. Чрезвычайно маловероятно. Нерегулируемые боевые прицелы на этой модели устанавливались с учетом ожидаемой дистанции перестрелки триста метров. Для того чтобы поразить маленькую и уменьшающуюся цель на заднем сиденье лимузина с помощью железных прицелов, Освальду нужно было знать дистанцию, иметь большой опыт определения соотношения точки попадания и точки прицеливания, обладать недюжинными математическими способностями, позволяющими быстро скорректировать ее с учетом того, что цель находится на дистанции восемьдесят метров, тогда как прицел отрегулирован для дистанции в триста метров, знать, где именно находится эта точка в корпусе лимузина сзади президента, и произвести точный выстрел. Очень немногие люди смогли бы точно выполнить это с первой попытки.

Сидя в номере без водки и сигарет, Свэггер пришел к заключению, что такой выстрел в принципе можно произвести, но Освальд его произвести не мог. И это поставило перед ним еще один ключевой вопрос: почему, по мере того как испытываемое Освальдом напряжение нарастало, а дистанция между ним и целью увеличивалась, результаты его стрельбы столь радикально улучшились?

То же самое мясо, но другой ресторан. Он располагался на открытой террасе, примыкавшей к старому классическому московскому зданию, стоявшему на одной из многолюдных центральных улиц. Посетители сидели не на стульях, а на подушках, словно турецкие паши, а официанты разносили им шампуры с дымящимися кусочками, обильно сдобренными соусами и приправами, и другие не менее аппетитные блюда. В меню фигурировал кальян, и многие, еще не осознавшие опасность курения, чреватого раком легких, жадно поглощали дым. Время от времени по улице проезжали экскаваторы, похожие на танки.

– Извините за опоздание, – сказал Свэггер, появившийся пятью минутами позже назначенного времени.

– Ничего страшного, – отозвалась Кэти Рейли, отодвигая в сторону мобильный телефон «Блэкберри».

– Слежки за собой не заметили?

Она рассмеялась:

– Хотела бы, чтобы за мной кто-нибудь следил. Моя жизнь настолько однообразна, что небольшая встряска мне не повредила бы.

– Не скажите. Надеюсь, вы будете избавлены от этого. За вами следили – и следил за вами я. Поэтому-то и опоздал. Несколько дней назад сопровождал вас вечером до дома, а сегодня сел вам на хвост, когда вы вышли, и был в метро и всюду.

– Я... я вас не видела, – произнесла она в некотором замешательстве.

– Я сопровождал вас, чтобы посмотреть, не следит ли за вами кто-нибудь еще. Ни несколько дней назад, ни сегодня никого не заметил. Следовательно, нам ничто не угрожает. Мы можем продолжить, если вы все еще в игре.

– О, конечно, – сказала она. – От этого веет духом «холодной войны». Вы договорились по поводу этих документов?

– Да. Я знаю, где они.

– Замечательно. И где же?

– На десятом этаже. Несколько лет назад они собрали свои архивы в одном месте с целью оцифровать их. Однако бюджетные средства на это до сих пор не выделены, и они все еще пребывают в виде старых бумаг. Некоторым из них сто, а то и двести лет. Они очень хрупкие. К счастью, нам не придется слишком долго рыться в них. Нас интересует только то, что относится к одному месяцу одного года.

– Вы говорили о 1963 году.

– Совершенно верно. Сентябрь. Может быть, октябрь. Может быть, ноябрь.

– И где находится этот архив? На десятом этаже чего?

– Лубянки.

Свэггер сделал паузу. Его взгляд оставался спокойным, лишь на долю секунды он утратил резкость, но тут же вновь стал пристальным.

– Я так понимаю, что вы не шутите.

– Ничуть. Чтобы привыкнуть к этому, требуется некоторое время.

– Вам придется объясниться.

– Мы не будем прыгать с парашютом на крышу или штурмовать здание. Мы не будем взрывать подвал или рыть подземный туннель. Мы просто воспользуемся лифтом.

– Не понимаю...

– Деньги. Я дал взятку через моего друга Стронского одному подполковнику ФСБ. Дабы продемонстрировать серьезность моего отношения к этому, скажу вам, что предложил ему сорок тысяч долларов. Из своего кармана. Не из бюджета ФБР, а то, что заработал тяжелым трудом.

– Неужели вы потратили на это сорок тысяч долларов, да еще собственных?

– Да. И если потребовалось бы, сделал бы это еще раз. Я пообещал женщине, что разберусь в причинах гибели ее мужа. Пока я почти не продвинулся в этом расследовании. Нужно найти ответы и на другие вопросы. Как бы то ни было, деньги для меня ничего не значат. Будет нужно – потрачу их все. Я дал слово, взялся за это дело, и мне не дают покоя собственные воспоминания. Сделаю то, что должен сделать.

– Мне вспомнилась фраза – «одержимый честью». Вы, случайно, не сошли с экрана из фильма тридцатых годов?

– Миссис Рейли, я не очень хорошо знаком с фильмами тридцатых годов, но твердо знаю, что мне нужно делать.

– Вы настолько безумны, что это производит впечатление.

– Может, и так. Но давайте вернемся к завтрашнему дню. Если Стронский гарантирует безопасность, значит, она гарантирована.

Он рассказал детали.

– Подполковник снабдит нас идентификационными карточками и проводит на десятый этаж. Он покажет, где находятся интересующие нас документы. В нашем распоряжении будет шесть часов. Никаких фотокопий, никаких записей. Только память. Мы ищем не что-то особенное. Как я уже говорил, дело касается русского Джеймса Бонда. Нам нужно выяснить, не работал ли он в русском посольстве в Мехико в сентябре-ноябре 1963 года.

– Ясно.

– Надеюсь, вы понимаете, о чем идет речь.

– Я знаю, что Ли Харви Освальд приходил в русское посольство в Мехико в 1963 году и пытался получить визу, но получил отказ. Думаю, этот факт проверялся.

– Да. И не один раз. Человеку по имени Норман Майлер даже удалось взять интервью у нескольких агентов КГБ и изучить соответствующие записи. В них ничего не было. Дело закрыли. История на этом закончилась. Так считал и я еще несколько недель назад.

– А теперь вы считаете, что русский Джеймс Бонд убил Джона Кеннеди.

– Нет. Я знаю пока еще недостаточно для того, чтобы что-то считать. Тем не менее скажу, что если – подчеркиваю, если – существовала какая-то игра, в ней принимали участие русские. Может быть, в главной роли, может быть, второстепенной.

Официант унес пустые тарелки. Кэти заказала водку с тоником.

– По-моему, это то, что мне сейчас нужно.

Свэггер отхлебнул из бокала кока-колу.

– Несколько недель назад я получил кое-какую информацию. В ней не было ничего особенного, из нее нельзя извлечь какую-либо выгоду, и ее из года в год передавали друг другу совершенно обычные люди, не замеченные ни в чем предосудительном. Все они здравомыслящие, дееспособные представители среднего класса. Это история о следе на спине пальто. Глупо, не правда ли? Если говорить вкратце, речь в этой истории идет о том, что в ноябре 1963 года в здании, носящем название «Дал-Текс», могла присутствовать винтовка. Оно находится прямо напротив Книгохранилища через улицу, и его окна расположены под тем же углом к лимузину на Элм-стрит, что и «снайперское гнездо» на седьмом этаже Книгохранилища. След на пальто свидетельствует о присутствии человека, о котором мне известно только то, что он превосходный снайпер.

– Это и есть второй стрелок?

– Возможно. Но пальто могло принадлежать какому-нибудь старому охотнику на фазанов, а след на нем могла оставить шина велосипеда его дочери. И все же разобраться в этом имеет смысл.

– Стало быть, человек приехал в Даллас, чтобы разобраться в этом. Потом его убили. Потом вы приехали в Даллас. И русский пытался убить вас. Поэтому русские и причастны к этому делу?

– Да. Это одно из свидетельств их причастности. Но я бы не стал основываться исключительно на том факте, что парень, который чуть не убил меня, оказался русским. Я попробовал выделить неоднократно проверенную и общеизвестную информацию из доклада Комиссии Уоррена – события, моменты времени, даты, места – и разработать на ее основе вероятный сценарий, согласно которому в покушении на Кеннеди мог принимать участие кто-то помимо Освальда. Я пытался найти точки пересечения определенных потоков информации, необходимой для человека, покушавшегося на Кеннеди, кто бы им ни был. Если бы мне удалось найти место и время, где сходятся все линии, это стало бы отправным пунктом. Я использовал метод проб и ошибок и, несмотря на его невысокую эффективность, кое-что обнаружил. И это кое-что должно находиться в советском посольстве в Мехико поздней осенью 1963 года.

– Расскажите. Впрочем, подождите, еще не принесли водку. Если мне придется десять лет загорать на одном из островов архипелага Гулаг, хотелось бы знать, за что.

Свэггер молчал, собираясь с мыслями. Официант принес водку и кока-колу. Кэти сидел глоток.

– Замечательно. Мир утратил резкие очертания. Пожалуйста, продолжайте.

– Если был какой-то заговор, он должен всплыть в точке схождения пяти элементов. Я называю это «элементами». Мне говорят, что это паршивое слово, поскольку обозначаемое им понятие входит в состав понятия «материя». Дело в том, что эти пять элементов отличаются друг от друга по своей природе, и объединить их способно только слово «материя».

– Очень интересно.

– Первые четыре – это элементы информации. Три из них связаны, но разделены во времени. Один совершенно с ними не связан и появляется значительно позже. Пятый не имеет никакого отношения к информации – это личность.

– Отлично, я слежу за ходом вашей мысли. Мне очень нравится Агата Кристи и гораздо меньше – Ле Карре.

– Первый элемент информации: кто-то должен был знать о существовании человека по имени Ли Харви Освальд. И о том, что он чокнутый, мечтающий о славе, которую ему не может принести его жалкая жизнь. Кто мог знать это?

– Его мать? Его бедная жена?

– Во-вторых, нужно было знать о его склонности к суициду и вместе с этим к насилию; о том, что он прирожденный неудачник. Нужно знать о том, что у него есть винтовка с оптическим прицелом и что 10 апреля 1963 года он стрелял – и промахнулся – в генерал-майора Эдвина Уокера.

– Кажется, я припоминаю что-то такое.

– Уокер придерживался правых взглядов и незадолго до этого вышел в отставку в связи со скандалом, разразившимся, когда стало известно о том, что он пропагандировал среди своих солдат – военнослужащих двадцать четвертой дивизии в Германии – взгляды в духе Джона Бёрча²⁴. Очень скоро он приобрел известность и стал вызывать раздражение у многих людей. Уокер произносил речи, выдвигал обвинения, участвовал в различных демонстрациях за гражданские права, ратовал за сегрегацию и всячески поносил Кеннеди.

– Хорошо. Освальд выстрелил в генерала. Некий таинственный заговорщик узнает об этом.

– Третий элемент: нужно было знать о том, что он работает в здании на Элм-стрит, Даллас, штат Техас, называемом Техасское книгохранилище. Но, поскольку Освальд поступил туда на работу только 14 октября, они не могли знать об этом до того самого дня.

– Кто это – они?

– Мы к этому подходим. Кому могла понадобиться информация об этом подонке? Его допрашивали сотрудники ФБР и ЦРУ. И те и другие пришли к выводу, что он не представляет никакой опасности. Они ничего не знали о выстреле в Уокера.

– Понятно.

– Последний элемент информации связан с вечером вторника 19 ноября 1963 года. «Даллас таймс геральд» опубликовала сообщение о том, кто кортеж Джона Кеннеди проследует по Элм-стрит, перед Техасским книгохранилищем, в пятницу, в 12.30 – то есть через два с половиной дня. Эти люди, кем бы они ни были, должны заранее знать, что Освальд работает в Книгохранилище. За такой короткий промежуток времени они не смогли бы отыскать его. И они не могли просто предвидеть, что Кеннеди проедет так близко от этого чокнутого. Кто располагал всеми этими сведениями об Освальде? Не ФБР и не ЦРУ.

²⁴ «Общество Джона Бёрча» – правоконсервативная политическая группа в США, стоящая на платформе антикоммунизма, ограничения влияния государства, конституционной республики и личных свобод; один из основных представителей радикального правого крыла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.